

РОДИОН КОРОЛЬКОВ

18+

АРКЕЛОН— АКАДЕМИЯ МЕЧА

Родион Корольков

Аркелон — Академия меча

«Издательские решения»

Корольков Р.

Аркелон — Академия меча / Р. Корольков — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-699825-4

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Селон — подросток из простой семьи, получивший редкий шанс поступить в Академию меча Аркелона, где обучают лучших воинов королевства. Мир строгих правил, изнурительных тренировок и скрытого соперничества быстро разрушает его прежние представления о силе и справедливости. Прошлое королевства, тайны власти и древние силы оказываются ближе, чем он мог предположить.

ISBN 978-5-00-699825-4

© Корольков Р.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1.Зарождение	6
Глава 2. Пророчество	12
Глава 3.Детство	14
Глава 4.Куда уходит детство	22
Глава 5.Поиск	31
Глава 6.Гордость семьи	36
Глава 7.Поступление	43
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Аркелон — Академия меча

Родион Корольков

© Родион Корольков, 2026

ISBN 978-5-0069-9825-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. Зарождение

Яркий свет звёзд освещал единый материк. Каждый вечер жители четырёх королевств наблюдали за красотой ночного небосвода и просили у богов помощи. Высшие существа, создавшие Аркелон, мало интересовались их судьбой. От скуки они создали расы по своему подобию, чтобы хоть как-то развеяться. Наблюдать стало невыносимо скучно, развитие было слишком медленным. Тогда кто-то из них и предложил спор, из-за которого и началась эта История.

В освещённом звёздным потолком зале со столом с картой в середине, как обычно, горячо предавались будничным разногласиям божественные сущности. Для их созданий было бы забавно наблюдать за тем, как те, кому они так страстно поклоняются, ругаются совсем как дети.

301 год со дня сотворения мира

— Ну опять они за своё, как же мне надоело выслушивать их жалобы, — произнёс бог зверолодей Алакет. — Если бы я знал, что этот наш спор затянется так надолго, я бы просто остался ждать в стороне.

Похожий на большую антропоморфную змею, он демонстративно сидел у общего стола, лишь изредка поглядывая на происходящее своими узкими зрачками.

— Не нуди, мы наблюдаем всего около трёхсот лет, — ответила богиня фей. — Для нас, бессмертных, это, по сути, секунды.

Девушка в фиолетовом платье и с крыльями того же цвета не сводила глаз с Алакета.

— Мирина, золото моё, — влюблённым голосом прошипел Алакет. — Не понимаю, почему все обесценивают целых три столетия? Представь, сколько всего мы бы вдвоём успели за это время.

— Умолкни, если бы меня интересовали рептилии, я бы поселилась в террариуме.

— Вы оба, хватит, — вмешался Бариус. — Не отвлекайте от просмотра, хотите что-то выяснить — отойдите в сторону.

Облачённый в стальные доспехи, он был похож на типичного героя из сказок людей. Светлые волосы, свисающие до плеч, как будто говорили о его храбрости и благородстве.

— Давайте начнём сначала! — потребовал Алакет. — Создадим других существ, более умных.

— Перестань! — выругалась на него Кея, богиня русалов. — Они живые существа, нельзя так относиться к ним. Неужели за это время ты совсем не проникся к ним чувствами?

— Ответь мне, задумываются ли они о чувствах своего скота, когда ведут его на убой? — мрачным тоном ответил Алакет. — Почему я должен это делать? Для меня они не более чем затянувшийся спор, который я хочу как можно скорее закончить.

— Это твоё мнение, и со своими зверолоудьями делай, что хочешь, — парировала Кея, не скрывая злости. — Ты и так сделал арену, где они каждые пять лет выбирают себе правителя, не прекращая проливать кровь.

— И не жалею об этом, мои зверюшки хотя бы не неженки, и в случае войны перекосят все ваши игрушки.

— Они не игрушки! — в очередной раз завопила Кея.

— Да, как скажешь, — прошипел Алакет, явно довольный тем, что получилось вывести её из себя. — Кстати, насчёт войны...

Змей мастерски плёл интриги, и остальные от них сильно устали. Не было и дня за эти три века, чтобы он не предложил очередной вариант закончить всё быстрее.

— Опять ты за своё, — недовольно проворчал Бариус. — Сейчас на материке мир, и мы не хотим погружать народ в затяжную войну.

— Никто не говорит о затяжной войне, — спокойно сказал Алакет. — Они просто соберут все силы и будут сражаться, пока не останется один.

— Нет, — твёрдо ответил Бариус.

Противоречивость их взглядов вынуждала их занимать разные стороны в споре. Благородному богу людей была чужда хитрость змея, точно так же, как и ему претила излишняя бравада Бариуса.

— Хангельтерколит'эш, а ты почему молчишь? — обратился Алакет к богу орков. — Уж такой верзила, как ты, точно не должен быть против небольшой заварушки.

Зелёный орк с седой бородой лишь поправлял крошечные очки на своём носу. Считавшийся самым умным среди них, он всегда воздерживался от споров, считая, что тратить на них свой интеллект — это что-то абсурдное.

— Ваши склоки мне не интересны, — громким басистым голосом сказал Хангельтерколит'эш. — Я не собираюсь заниматься чем-то фривольным, пока Зверотопия занимается эскалацией.

— Что? — раздражённо ответил Алакет, положив две руки на карту на столе и чуть не разрушив горы возле королевства людей. — Извиняюсь, я приберу.

Небрежно сложив камни в кучу, он накрепко закрепил их между собой, образовав гору поменьше, но с большей площадью.

— Ничего, — ответил Бариус. — Я как раз думал их туда переселить.

— Снизь эмоциональное состояние, — спокойным тоном ответил Хангельтерколит'эш, поглядывая на груды камней. — Проанализируй ситуацию, и если твои существа не прекратят мобилизацию своих войск у границ моего мегаполиса, мне придётся вмешаться.

— Это не более чем учения, уверен, у них и мысли не было захватывать твой современный город, — ответил Алакет, поглядывая на Зверотопию сверху. — Что им делать со всеми этими технологиями? Насколько мне известно, только орки в состоянии понять, как работают эти штуки.

Очередной день подходил к концу, а за ним и месяц. По ощущениям, время долго тянулось только для бога зверолодей. Он сгорал от нетерпения закончить спор как можно быстрее, и в один из дней ему пришла очередная идея, которой он, конечно же, поспешил поделиться.

— И какая же? — хором спросили все божества.

— Все они умеют сражаться, так давайте устроим масштабную битву, — прошипел Алакет.

— Ты что, идиот? Месяц назад мы уже сказали тебе ответ, — сказал Бариус, устав сдерживать эмоции.

— Придержи язык, если не считать Хангельтерколит'эша, то у меня самый гибкий ум, — надменно сказал Алакет, смотря на Бариуса змеиными ядовитыми глазами. — Я говорил о другом: что, если у них появится общий враг?

— Ты хочешь спуститься к ним и устроить глобальный геноцид? — предположил Хангельтерколит'эш.

— Ну конечно же нет, я не думаю, что вы на такое согласитесь, иначе предложил бы это намного раньше, — насмешливо прошипел Алакет. — Я предлагаю сделать шестую расу.

— Насколько мне известно, нас пять, — ответила Мирина, вмешавшись в разговор. — Ты хочешь заполучить в своё покровительство ещё одну?

— Не совсем, — успокаивающим тоном прошипел Алакет. — Создадим ужасающе злых существ и выпустим их на континент. — Для чего? — спросил Бариус. — Сейчас между ними напряжённые отношения, и мы все прекрасно понимаем, что военный конфликт случится в любом случае. — И ты думаешь, беда их объединит? — спросила Кея. — Именно, что ещё может сплотить их так же сильно, как общий враг? — ответил Алакет, пробегаясь глазами по лицам, стоявшим за столом. — А в чём тогда спор? — спросил Бариус. — А спор в том,

что первое королевство, уничтожившее эту нечисть, и будет победителем в споре. — Звучит хорошо, но сможем ли мы создать что-то настолько жуткое? — сказала Мирина, едва сдерживая волнение. — Моё солнышко, предоставьте это мне, — сказал Алакет, расплываясь в довольной улыбке. — Я создам их с таким же характером, как и у меня, но когда у меня хорошее настроение; ни к чему делать их слишком злыми. — Если все согласны, поднимите руки, — обратился ко всем Бариус. — Единогласно. — И ещё кое-что, — не унимался Алакет. — На что мы спорили в прошлый раз, напомните, пожалуйста? — Кажется, на наказание: месяц прожить среди них, убирая навоз, — сказал Бариус, едва сдерживая смех.

Громкий смех бога людей давал понять, чья очередь была придумывать наказание. — Точно, знаешь, я бы охотно посмотрел на тебя с лопатой, но я хочу поднять ставки, если вы не возражаете. — Разве мы не достигли апогея в прошлый раз? — спросил Хангельтерколит'эш. — О, я тоже так думал, — прошипел Алакет. — Я не могу представить себе большего унижения, но зачем нам унижаться? — Что ты предлагаешь на сей раз? — сказала Кея, закатывая глаза. — Вы, наверное, заметили, что у всех нас разные характеры, — констатировал Алакет. — Бариус — вечный ребёнок, которого смешит туалетный юмор, но он строит перед нами серьёзного человека, прикидываясь умным. Кея — дотошно правильная и при возможности разменяла бы свою жизнь на благо её королевства. Хангельтерколит'эш — мало того, что самый умный из нас, так ещё и самый практичный: не существует решения, которое он бы не принял ради своей выгоды. Иногда мне кажется, что если бы у нас была мать, то он бы продал её в первый день нашего появления. Про Мирину я ничего не скажу: когда-нибудь она осознает мою природную красоту, и мы сделаем много маленьких созвездий.

— Не тяни, к чему ты ведёшь, пока я не потерял терпение, — громко сказал Бариус.

— Я веду к тому, что нам, как и им, нужен главный. Кто-то, кто будет направлять нас, а остальные будут покорно слушать.

Такого дерзкого заявления ещё ни разу не звучало за этим столом, и все слегка опешили, удивившись наглости Алакета.

— Абсурд, — сказал Хангельтерколит'эш.

— Ни за что, — сказала Кея.

— Да как ты можешь? — добавила Мирина.

— Ты же не думал, что мы согласимся? — сказал Бариус.

— Ну надо же, знаете, вы реагируете так, будто я уже победил, — дерзко заигрывал Алакет. — Мне, конечно, это приятно, но подумайте сами: мы каждый день о чём-то спорим, да по большей части из-за меня, но и между собой у вас постоянные конфронтации.

— Я согласен, — сказал Хангельтерколит'эш.

— Чего? — в унисон ответили остальные.

— Подумав, я понял, что он прав, — спокойно продолжил он. — Я устал отталкиваться от ваших предпочтений и постоянно подстраиваться под вас, хочу сам принимать решения.

— Да как ты можешь быть таким высокомерным? — сказала Мирина. — Когда я стану верховным божеством, ты будешь пресмыкаться где-то рядом и лишь просить о моей милости.

— Вот за это я и люблю эту дьяволицу, — довольно сказал Алакет. — Верховное божество звучит неплохо, так и будут называть победителя.

— Раз уж большинство за, ничего не остаётся, но тогда у меня тоже есть предложение, — сказал Бариус. — Раз уж так вышло, что мой народ — единственный, кто не умеет пользоваться магией, чтобы уравнивать шансы, я хочу наделять воинов своим благословением. Думаю, никто не будет против?

— Думаю, это справедливо, — сказала Кея.

— Поддерживаю, — сказала Мирина.

— Ну, значит, ничего больше не остаётся. Я готов дать тебе небольшую фору, но ты должен объяснить принцип работы своего благословения, — поинтересовался Алакет.

— Принцип простой: священник из церкви будет рисовать мой символ на их руках, а я дарую каждому особую способность.

— Ты же можешь дать способность, которая по щелчку пальцев уничтожит материк — в чём здесь справедливость? — сказала Кея.

— Я не играю грязно, и вы все прекрасно это знаете, — сказал Бариус. — Я сделаю систему, по которой буду благословлять их. Пробную версию представлю завтра.

— Тогда на сегодня расходимся, — сказал Алакет, уходя из общего зала. — Увидимся завтра, хочу отдохнуть перед работой.

302 год со дня сотворения мира

— Ну долго ты там копать будешь? — сказала Мирина.

— Сейчас, последний штрих, — ответил Алакет. — Готово, можно выпускать.

— Неужели, не прошло и года, — сказал Бариус.

— Ой, ты сам свою «систему» закончил неделю назад, — насмешливо парировал Алакет. — Это тебе не жизнь создать, я бы за день управился.

— Не жизнь? — задумчиво произнёс Хангельтерколит'эш...

— Не жизнь? — задумчиво произнёс Хангельтерколит'эш. — А может, мы их так и назовём? Нежить — звучит устрашающе и пугающе, как будто сама смерть не властна над ними.

— Честно сказать, хотел предложить то же самое, ты, как всегда, прочитал мои мысли, — сказал Алакет.

— Меня до сих пор терзают сомнения: как они смогут их остановить, если они уже мертвы? — непонимающим тоном спросил Бариус.

— Свет и огонь, — ответил Алакет.

— А что делать, если ночь и не из чего развести огонь? — не унимался Бариус.

— Не переживай, не забывай, что мне самому невыгодно, чтобы они победили, — ответил Алакет. — У каждого из моих милых монстриков есть своя слабость. По крайней мере, у тех, что создам я.

— О чём это ты? — заинтересовалась Кея.

— Видишь ли, я тоже решил наделить их лорда небольшим преимуществом, — загадочно прошипел Алакет. — Все трупы, оставленные на поле битвы, будут в его полном распоряжении, и он сможет регулярно пополнять свою армию.

— Ты совсем из ума выжил? — спросил Бариус. — Как они их одолеют, если их численность будет увеличиваться с каждой смертью? Не ты ли говорил, что тебе невыгодна их победа?

— Да, говорил и не отказываюсь от своих слов, — ответил Алакет. — Но вам будет интересно, если спор закончится через пару лет? Я предпочитаю, чтобы интрига жила до последней секунды. Когда судьба всего мира решается в считанные секунды — это вызывает у меня неподдельный восторг.

— Жаль, что твоему народу не передалась твоя любовь к драматургии, — колко ответила Мирина. — А ты подумал, что будет, если победят твои новые творения?

— Конечно, подумал, моя сладкая, — ответил Алакет, не скрывая симпатии. — Тогда просто начнём всё с начала.

— Как легко ты об этом говоришь, — недовольно сказала Кея. — Знаешь ли, не всем плевать на их судьбы, как тебе.

— Мне отнюдь не плевать, просто мы с разной бережностью относимся к нашим игрушкам.

— ОНИ НЕ ИГРУШКИ! — в очередной раз крикнула Кея и вылила на Алакета весь набор ругательств, который знала.

— Как скажешь, — сказал Алакет, явно довольный бешенством Кеи.

— Если вы закончили, я бы хотел внести предложение, — сказал бог орков громким басистым голосом, заставляющим прислушаться. — Дабы избежать недопонимания и казусов,

предлагаю отказаться от божественных сил и оставить себе лишь крупницы мощи. Так мы не сможем больше вмешаться в их дела, а выигравший в споре получит силы всех, кто сидит сейчас за столом.

— Опять читаешь мои мысли, — расплываясь в ехидно-ядовитой улыбке, прошипел Алакет.

— А если кто-то из нас решит украсть эту силу? — спросила явно напряжённая Кея.

— Мы запечатаем её в древней шкатулке, которая откроется только тогда, когда победитель будет определён, — внёс предложение орк.

— А если победят демоны? — спросил Бариус.

— Тогда все силы вернутся на свои места, — ответил орк. — Я задумался и понял, что никто не будет исполнять мою волю в случае моего безоговорочного триумфа. Поэтому, чтобы обезопасить свою персону и чтобы вы не могли нарушить условия договора, этот вариант кажется мне самым разумным.

— Значит, всё достанется одному? — не унимался Бариус.

— Если ты заключишь с кем-то союз, то сила достанется вам двоим, — ответил орк. — Это мы тоже добавим в условие открытия шкатулки.

— Хорошо, если все согласны, то можем приступать, — сказал Бариус, оглядывая полные азарта лица, выражавшие согласие.

310 год со дня сотворения мира

Все собравшиеся за столом сидели с поникшим видом. Божества давно бы умерли со скуки, если бы могли умереть.

— Ну это же просто немыслимо, — злобно прошипел Алакет.

— Да замолчи ты, — грубо прервал его Бариус. — И так из-за тебя и твоих инноваций стало невообразимо скучно.

— А при чём тут я? — не желая уступать, ответил Алакет. — Кто знал, что эти ничтожества после победы не станут их добивать, а признают их новым королевством? Якобы у них тоже есть чувства. Бред полнейший: я их создал, и нет у них никаких чувств. Сейчас они накопят силы и лет через сто уничтожат их по одному. Мы ждём неизбежного, предлагаю начать всё сначала.

— Сиди и смотри, — твёрдо сказала Мирина. — Или я заставлю замолчать твой змеинный рот до конца вечности.

— Хорошо, — сказал Алакет, сглотнув слюну. Мирина в гневе пугала и влюбляла его одновременно.

— Напоминаю, что Фьюстат до сих пор не признал их и считает врагами, — сказал Бариус, пытаясь доказать своё превосходство. — В отличие от Зверотопии, Океании, Форестнока и Таш'зела.

— Напоминаю, что если бы ты не дал тому чудаку способность уничтожать всё, что он видит, в обмен на, возможно, прожитые минуты, — парировал Алакет, — то демоны давно бы выиграли эту войну, а эти твои людишки не сделали бы культ вокруг этого пьянчуги.

— У него была тяжёлая жизнь, не тебе судить его пьянство, — ответил Бариус. — В конце концов, он умер как герой.

— Посмотри на себя, до чего ты докатился, — рассерженно прошипел Алакет. — Ты защищаешь эти низшие формы жизни так, как если бы я оскорбил кого-то из нас.

— А может, для меня они более совершенны, чем ты, — произнёс Бариус с надменной интонацией.

— А ну повтори! — прикрикнул рассвирепевший Алакет.

— Они созданы по моему подобию, логично, что я считаю их лучше, чем ты, — сказал Бариус, явно обрадовавшийся злости Алакета. — У них хотя бы нет этого уродского хвоста и чешуи.

— Вижу я, я не хотел до этого доводить, — выпалил Алакет и хвостом опрокинул стул, на котором сидел Бариус.

— Как давно я этого ждал, ну иди сюда, решим всё быстро, — сказал довольный Бариус.

Встав с пола одним прыжком, Бариус сделал рывок в сторону Алакета и нанёс удар кулаком в змеиную челюсть. Алакет пошатнулся и попытался зацепить хвостом ногу Бариуса, но тот быстро среагировал и, наступив на хвост, нанёс ещё два удара. Змей хотел юркнуть в ноги и свалить на пол своего противника, но Бариус предвидел и это и поймал его встречным ударом коленом в голову. Не в силах продолжать, Алакет лежал на полу, ожидая своей дальнейшей участи.

— Вставай и помалкивай, я не в настроении слушать твоё нытьё, — сурово проговорил Бариус.

— Слушаюсь, — прошипел Алакет, запомнив этот случай.

— Думаю, всё закончится в этом столетии, — высказал своё мнение орк, игнорируя случившуюся драку. — В конце концов, сегодня тот самый день, когда зажётся она.

Глава 2. Пророчество

Протяжный и сильный крик расходился по деревне Норта. Узкие улочки освещала яркая звезда, предзнаменовавшая начало чего-то великого. Во всяком случае, так говорили местные, не видевшие до этого настолько яркого светила.

— Да когда он уже родится! — крикнула Лимилия, едва терпя боль.

— Ты должна подтолкнуть его, дети, знаешь ли, не рождаются сами, — ответил знахарь.

— А я чем, по-твоему, тут занимаюсь?! Загораю?

— Ну вот, шутишь, значит боль терпима, — сказал Арак, улыбаясь.

Рядом в комнате стояли два мужчины и наблюдали за рождением новой жизни. Один был огромных размеров мужчина с длинными чёрными волосами, заплетёнными в хвостик. От него пахло навозом и сеном, поэтому несложно было догадаться, что он был конюхом и мужем Лимилии. Второй же, напротив, был одет в красиво вышитый зелёный фрак, и от него пахло дорогим алкоголем и приторно сладкими духами. Отец Лимилии был королевским советником и до сих пор не одобрил её брак с дурно пахнущим отбросом. Он хотел заключить более выгодный брак, чтобы его дочь никогда ни в чём не нуждалась, но упорством и упрямством она ничуть не уступала ему.

Крик Лимилии внезапно стих, и тоненький, едва слышный по сравнению с предыдущими, визг прозвучал по комнате. Осторожно передавая дитя матери, знахарь заметил едва уловимую улыбку на лице её отца.

— Поздравляю, у вас мальчик, — сказал Арак.

— Не стой столбом, Гамп, дай мне полотенце, я закутаю Селона, — обратилась Лимилия к мужу.

— Селон? Что за странное имя? — вмешался Айзег.

— Твоего мнения никто не спрашивал, отец, — недовольно буркнула Лимилия, не отрывая взгляда от своего ребёнка.

В его глазах было лишь её отражение, но любящая мать видела в них целый мир.

— Он родился сегодня, когда зажглась звезда. Скорее всего, он дитя из пророчества.

— Пожалуйста, отец, только не говори, что веришь в бред этого священника, — сказала Лимилия, нехотя отрывая взгляд.

— Я напоминаю тебе, что милостью этого бога у нас появились благословения, глупо отрицать его существование.

— А я и не отрицаю, я отрицаю способность твоего коллеги по совету разговаривать с ним.

— А как, по-твоему, он узнал, что даст нам такую силу? — возмущался отец Лимилии.

— Кажется, ты совсем дуреешь рядом с этим убожеством.

— Не смей так его называть, — старалась сдерживаться Лимилия. — Почему ты не можешь признать его так же, как мама?

— Твоя пьянчуга мать мало что понимала в людях, — сказал он, глядя на Гампа.

— Извините, милорд, но я не позволю вам оскорблять меня в моём доме, да ещё и в присутствии моей жены и ребёнка, — злостно сказал Гамп, сжимая кулаки.

— Не нарывайся, или я размажу тебя об стену, — сказал отец Лимилии, сжигая убийственным взглядом её мужа.

— Прошу прощения, — сказал Гамп, преклонив одно колено.

— Так-то лучше, знай своё место, отброс. И что ты нашла в этом неудачнике?

— Я люблю его, отец, — улыбаясь, ответила Лимилия, зацеловывая плачущего ребёнка.

— Если тебя так тяготит наше общество, покинь, пожалуйста, наш дом.

— Если ты так желаешь, я уйду, — спокойно произнёс он и направился к выходу. — Мне всё равно нужно посетить ещё одно место.

— И не приходи больше, я не желаю видеть того, кто угрожает моему мужу.

— Как скажешь, моя принцесса, больше я вас не побеспокою, пока не придёт время.

В комнате стояла мёртвая тишина. Селон спокойно спал на руках матери и мило облизывал свой маленький кулачок.

— Ну разве он не прелестный? — спросила Лимилия у Гампа.

— Какое придёт время, о чём это он? — недоумевающе спросил Гамп.

— И ты туда же? — раздражённо ответила Лимилия. — Королевский священник пару лет назад выдал пророчество, которое, по его словам, передал ему во сне бог Бариус.

— Какое пророчество? Не томи, женщина.

Лимилия вздохнула и, уложив сына рядом, начала дословно пересказывать текст.

Когда в небе засияет самая яркая звезда,

И её ослепительный свет осветит весь континент,

Родится дитя, что примет её свет.

Герой пройдёт немало бед,

Принесёт он и добро, и вред.

Увидев его, падёт мертвец,

И зло падёт, тьме настанет конец.

— Значит, наш сын спаситель человечества? — обрадовался Гамп. — Это нужно отметить.

— Ты хоть представляешь себе, сколько детей родилось в этот день? — сказала Лимилия, цокая языком. — Если умеешь считать, посчитай, какой шанс на то, что ребёнком из пророчества окажется он. И хватит пить, ты обещал мне бросить после рождения ребёнка.

— Да как можно? У меня настолько особенное дитя, а я даже горло не промочу?

— Я не держу тебя, ты в любой момент можешь уйти вслед за отцом.

— У вас это семейное — унижать меня, да?

— Нет, просто тебе уже четвёртый десяток, и пора взяться за голову, — читала нотации Лимилия. — Я прекрасно осведомлена о твоих карточных долгах и ночных дебошах в баре.

— Мне просто не повезло, я отыграюсь, вот увидишь, — оправдывался Гамп.

— Мне не нужно ничего доказывать. Сейчас я нужна этому мальчику и буду с ним всю свою жизнь, — уставшим голосом произнесла Лимилия, смотря на мальчика. — Знаешь, единственный раз, когда тебе повезло, — это тот случай, когда моя покойная пьяница мать проиграла тебе меня в карты. Благодарю всех богов, что я не рассказала это отцу, а настояла, что это моё решение, иначе твоя голова уже висела бы в его замке над камином.

— Я не заставлял тебя, ты могла отказаться, — отчеканил Гамп.

— Правда? — саркастично спросила Лимилия. — Я знаю, но я не хотела выходить за какого-то напыщенного индюка, кичившегося папочкиными достижениями. Когда я приходила с мамой, ты всегда был добр ко мне и угощал десертом. В глубине души я верила, что могу помочь тебе стать лучше, но, видимо, этому не суждено случиться.

— Азарт сильнее меня, извини, — сказал Гамп, опустив глаза в пол.

— Просто пообещай мне, что никогда не перейдёшь черту, как моя мать, и не будешь играть ни на что, кроме денег.

— Обещаю, — серьёзным тоном произнёс Гамп, осознавая свою никчёмность.

— Хорошо, а сейчас, пожалуйста, уйди, — еле слышно произнесла Лимилия, засыпая. — Нам с Селоном нужно отдохнуть.

Глава 3. Детство

322 год со дня сотворения мира

Песчаная дорога слегка подрагивала, принимая на себя топот маленьких ног. Пыль вздымалась в воздух и оседала на потной коже и одежде детей. В этот обыденный солнечный день все ребята из деревни, как обычно, наслаждались самым беззаботным временем в своей жизни.

Селон проснулся от гула своих друзей и, одевшись, мигом собирался шмыгнуть на улицу. Рука сильной женщины остановила его и усадила на стул в кухне.

— Сначала поешь, — сказала Лимилия.

— Ну мам, я не хочу, — буркнул Селон.

— Чем быстрее поешь, тем быстрее пойдёшь.

Селон схватил ложку и принялся есть. Лимилия всегда готовила полезную кашу на завтрак, которую Селон сильно не любил. Безвкусная и выглядевшая так, как будто её уже пережевывали, каша не вызывала позитива у мальчика. Едва зачерпывая её ложкой, Селон глотал её, не пережёвывая.

— Настолько плохо? — спросила Лимилия расстроенным голосом.

С детства она привыкла, что еду готовит прислуга, поэтому для неё было в новинку готовить самой. Кулинария ей нравилась, и она не стеснялась экспериментировать, что не нравилось Селону.

— Как обычно, — сказал Селон с набитым ртом.

— Знаешь, людям не всегда нужно говорить правду, — с улыбкой ответила Лимилия.

— Мне всё равно, мам, это правда, — проговорил Селон, продолжая набивать рот. — Если тебя это обижает, извини.

Когда Селон доел и встал из-за стола, Лимилия наклонилась к мальчику и поцеловала в лоб, пожелав удачи. Засмутившийся мальчик потёр лоб и побежал на улицу к своим друзьям.

Его друзья Алан, Флавий и Валдуин уже вовсю играли. Дети бегали друг за другом, прикидываясь упырями и пугая друг друга. За их ребячеством наблюдали жители Норты. Вид детского счастья после всех прожитых бед вызывал тепло в их душе. Они четверо были единственными детьми в деревне, и многое им прощали, ссылаясь на возраст.

Так, например, пару дней назад Алан стащил пиво из бара, где работал его отец, и угостил своих друзей, а когда его поймали, просто пригрозили расправой. Селон единственный, кто не пил в тот день. Образ отца, сидевшего в баре, как будто отпугивал его от алкоголя, и он не хотел такой жизни. Не потому, что алкоголь — это плохо. Мальчик с детской наивностью и своей непоседливостью считал, что сидеть в одном месте весь день ужасно скучно.

Всеобщая безнаказанность баловала детей и постепенно стирала границы дозволенного, как в этот день.

— У меня есть одна идея, — с энтузиазмом сказал Валдуин. — Вам не надоело играть в рыцарей палками и представлять, что это меч?

Полный мальчик с длинными засаленными волосами поднял палку вверх, изображая рыцаря.

— Я как-то не задумывался, — сказал Флавий. — Нам же весело, почему это должно надоест?

Взяв одну руку в другую, худощавый рыжий паренёк с веснушками ждал, что выберут остальные. Его точно нельзя было назвать заводилой в их компании — в основном он лишь со всем соглашался.

— Поддерживаю, — сказал Селон, которому явно было всё равно, чем играть.

— Кажется, я знаю, где достать настоящие. Но для этого нужно будет рискнуть, — не скрывая восторга произнёс Валдуин.

— Где же ты их достанешь? — сказал Алан со скепсисом. — Или твой отец испечёт их из муки?

— Очень смешно, — ответил Валдуин. — Нет, у меня есть другая идея. Вчера я нашёл лаз в крепости. На один валун в основании стены пожалели раствор, когда делали ремонт. Взрослый человек там не пролезет, а вот мы запросто.

— Даже ты? — сказал Алан, посмотрев на тучного Валдуина.

— Да, даже я, — ответил слегка обиженный Валдуин.

— А если нас поймают? — спросил испуганный Флавий.

— Да не бойся ты, ничего нам не сделают, — ответил Селон, стараясь не показать испуг. — Понудят, как обычно, и отпустят.

— А если мы пораним друг друга? — не унимался испуганный Флавий. — Этими штуками вообще-то с нежитью дрались.

— Солнце тоже убивает нежить. Ты теперь только в темноте гулять будешь? — подколот его Алан.

— В темноте ещё страшнее.

— Ой, да оставьте вы это дряхло, — процедил Валдуин. — Не хочет — пусть сидит дома и слушает сказки на ночь. А мы с вами встречаемся тут, когда стемнеет.

— Как мы выйдем из дома, умник? — спросил Селон. — Родители вроде не сильно любят, когда мы гуляем ночью.

— Я придумал план, а вы уж постарайтесь придумать его исполнение, — отреагировал на замечание Валдуин, покидая их компанию.

— Да уж, — пробормотал Алан. — Что будем делать?

— Понятия не имею, — сказал Селон, посмотрев на спину удаляющегося Флавия. — Придётся врать, что будем помогать старушке Норит.

— Ты же в курсе, что она умерла?

— Правда, давно? — недоумевающе спросил Селон.

— Месяца два назад, — добавил Алан. — Я был на похоронах, пока вы играли в мяч.

— Вот чёрт, — выпалил Селон. — Я не так давно говорил, что мы идём к ней, когда мы ели пироги, приготовленные отцом Валдуина.

— Помню, вот он удивился, — заливаясь от смеха, произнёс Алан. — Подумал, что их крысы погрызли, всю кухню отравой заставил.

— Эх, весело было, — ностальгирующим тоном добавил Селон. — Жаль, что скоро придётся распрощаться с нашими играми.

— До совершеннолетия ещё два года, не вдавайся в тоску.

— Пролетят — не заметишь, — удручающе сказал Селон. — Сегодня бегали играли, а завтра будем работать от рассвета до заката, как все взрослые.

— Не все взрослые работают, — прокомментировал Алан. — Твой отец постоянно сидит у нас в баре и играет в карты.

— Мой отец — исключение.

— Он вчера так крупно проиграл, что расплакался, — насмешливо произнёс Алан. — Никогда не видел, чтобы такой верзила плакал. Выглядело так, как будто водопад течёт с огромной горы.

— Закрой свой рот, — сказал Селон, разозлившись на друга.

— А что я не так сказал? — спросил Алан. — Он целыми сутками сидит и пьёт, а ты вечно его защищаешь.

— Тебя не касается то, чем занимается мой отец.

— Он занимается этим в нашем баре, так что касается, — добавил Алан. — А знаешь, ты прав: то, что он пьёт, — это хорошо. В конце концов, он приносит моему отцу выручку.

Отец Алана был самым богатым в деревне, и его сын часто посмеивался над другими и кичился превосходством. Семья Селона же, напротив, из-за карточных долгов была одной из самых бедных.

Конфликты постоянно возникали между ними двумя, но они никогда не переходили грань — до сегодняшнего дня. Уставший от постоянных насмешек друга, Селон пихнул Алана в стену дома, возле которого они играли.

После удара спиной о камень Алан рассвирепел и ринулся на Селона с кулаками. Селон сделал шаг в сторону и подставил подножку обидчику. Упав, Алан прочесал поверхность лицом, на котором остались ссадины.

На этом, конечно же, он останавливаться не собирался и, поднявшись, хотел заехать Селону в глаз, но тот с лёгкостью уклонился. С детства у него была феноменальная ловкость, поэтому все игры, где требовалась скорость, в основном играли без него.

Поняв, что шансов нанести удар у него нет, Алан отступил и, вытерев разбитую губу, побежал домой.

— Ты за это ответишь, сын конюха, — сказал Алан, убегая к отцу.

Селон решил походить по деревне и немного развеяться. Улицы Норты пахли выпечкой, и мальчик любил этот запах. Пироги он в основном ел только на день рождения, поэтому их запах ассоциировался у него с праздником и чем-то домашним.

Лимилия ужасно готовила, и на день рождения он больше всего радовался не подаркам, а вкусной еде.

Мысли Селона были заняты ссорой с другом. Даже запах выпечки не был в силах унять эту горечь. С одной стороны, он знал, что Алан прав, и вряд ли в деревне есть более обречённый человек, чем его отец. С другой стороны, его раздражал надменный пафос, с которым к нему обращались.

Да, его отец и вправду был заядлым картёжником, но играл только после работы. Утром он управлялся с кобылами и жеребцами знатных лордов, чистил их, сбивал копыта, а иногда и вовсе принимал роды.

При этом, как бы парадоксально это ни звучало, Гамп ненавидел лошадей. В детстве, обучаясь верховой езде, их семейный конь скинул его с седла и как следует влепил копытом в лоб. Однако другого он не умел, и приходилось зарабатывать на жизнь нелюбимым делом.

Возможно, поэтому азарт карточных игр и приводил в чувство Гампа — это были единственные моменты, когда он занимался тем, чем хотел.

Селону в целом было безразлично, чем занимается отец, пока из-за этого не начали задирать его. Мальчику не нравилось чувствовать на себе осуждающие взгляды окружающих. В конце концов, он ничего не сделал, чтобы его осуждали.

Вскоре Селон привык к подобному и неплохо сдерживал свои эмоции, когда слышал насмешки друзей или уничижительные вопросы взрослых. Сегодня же что-то пошло не так. Возможно, накопившийся гнев вышел наружу, а возможно, Селон просто решил, что пора заступиться за отца.

Как такового чувства злости он не испытывал — он даже не ударил Алана. Чудак сам упал, споткнувшись о его ногу.

Скорее всего, Селон просто чувствовал, что рождён для чего-то большего, чем простая деревенская жизнь. Работа ему претила, и он частенько представлял себя зажиточным аристократом в своих фантазиях. Его амбиции даже превышали аристократические.

Пока отец работал, Селон сгребал солому в одну кучу и усаживался на неё, представляя трон. Он отдавал приказы пробегающим в хлеву крысам, и ему нравилось думать, что они убегают по его поручениям.

Идея с мечами привела Селона в восторг. Ему нравилась вся тематика, связанная с рыцарями и фехтованием. Он ни разу не проиграл, когда они дрались на палках — в этом ему способствовала его природная ловкость.

План был изумительным и обречённым на успех, но Селон решил остаться дома и побыть наедине с собой. Насмешки сильно выматывали его морально. Да и он верил, что парни справятся и вдвоём. Даже если украдут по одному мечу, можно будет играть по очереди.

Настроившись на позитивные мысли, Селон двинулся в сторону дома, осматривая родную деревню.

Слегка покосившиеся каменные дома с соломенными крышами не внушали надёжности. Протоптанная на земле тропинка вдоль улиц и свободно гуляющая по ней скотина — всё это одновременно вызывало у Селона чувство чего-то родного, но также вызывало и чувство безысходности.

В Норте жили люди разных возрастов, и Селон, наблюдая за ними, как будто видел своё будущее. У мальчика не было ярко выраженных талантов, и больше всего он боялся закончить, как его отец.

Лошади, конечно, нравились Селону, но связывать с заботой о них свою жизнь он бы не стал. Ближе ему было бы скакать на одной из них куда-то в закат. Столь романтический сценарий радовал его и помогал отвлечься.

По пути домой Селон решил зайти в бар за отцом — ему не нравилось в одиночку есть мамину стряпню.

Подойдя к большому деревянному зданию с хлопающей от ветра калиткой, мальчик собирался зайти внутрь. Путь ему перегородил охранник, сказавший, что внутрь нельзя без взрослых. Якобы там творятся такие непотребства, и владелец не хочет, чтобы дети это видели. Видите ли, это плохо скажется на их воспитании.

Лучше бы думал о воспитании своего сына — может, тогда он бы не вырос таким надменным придурком, — подумал Селон, заходя в бар.

Запах алкоголя, витавший в воздухе, мог помочь опьянеть и без употребления алкоголя. В полностью отделанном тёмным деревом помещении отдыхали не самые хорошо известные люди деревни. Подавляющая часть из них была отчаявшимися людьми, пытающимися утопить свои проблемы в сидре.

Его отец, как обычно, сидел в углу за круглым столом и перебирал деревянные фишки в руках. Если у Гампа оставались фишки — это было хорошим знаком: значит, сегодня у него ещё оставались средства.

Селон тихо подошёл к отцу и положил свою ладонь на его руку. Гамп слегка испугался и обернулся — он не ожидал увидеть сына в таком месте.

— Что ты здесь забыл? — удивлённо произнёс Гамп.

— Уже обед, отец. Пойдём домой.

Гамп отмахнулся и продолжил играть, не обращая внимания на сына.

Завидев мальчика, к столу подошёл владелец бара, ведя под руку довольного Алана. Мужчина с длинными усами надменно накручивал их на палец и не скрывал своей радости, что мальчик зашёл за отцом. Стоявший за его спиной сын с охлаждающим компрессом на лице тоже не мог дожидаться, как отец разберётся с его обидчиком.

— Посмотри на моего мальчика, старый ты пьянчуга, — обратился Биктир к Гампу. — Его лицо. Такие сильные гематомы не скоро спадут.

— А мне-то что? — спросил Гамп, попивая пиво из кружки.

— Тебе — что?! — воскликнул владелец бара. — Это твой негодник его избил.

— Биктир, дружище, — проговорил Гамп. — Ну подрались и подрались, дело-то молодое.

С полчаса отец Алана высказывал своё недовольство и угрожал Гампу расправой. Он активно жестикулировал, чтобы привлечь всеобщее внимание к проблеме.

Наконец, сказав, что больше ни капли не нальёт в его стакан, он получил нужную ему реакцию. С самого начала он хотел публичных извинений и получил их от Гампа, который сделал вид, что искренне раскаивается.

Получив удовлетворение, он уже было собирался оставить их в покое, но вмешался Алан и потребовал таких же извинений от Селона. Биктир посчитал это справедливым и выкатил Гампу новые условия распития спиртных напитков.

Мальчик не собирался извиняться и рассказал, как всё было на самом деле. Правда мало волновала Гампа, если она не позволяла ему продолжать выпивать.

— Меня не интересует, немедленно извинись, — сказал Гамп, делая глоток холодного пива, которое только принесли к столу.

— Да как ты можешь? — возмутился Селон. — Он говорил про тебя ужасные вещи, и ты всё это так оставишь?

— Мне плевать, кто и что говорит обо мне.

— Я не буду извиняться.

Гамп взял Селона за ворот рубахи и запустил в деревянную колонну напротив стола. Послышался треск дерева, и кровь потекла со лба Селона.

Голову ужасно пекло, но боль была терпима. Протерев кровь рукой, Селон спокойно встал и подошёл к Алану. Он слегка наклонил голову и принёс свои извинения.

Снизу он видел довольную улыбку его теперь уже бывшего друга, и это ранило его. Тот, с кем он, казалось бы, проводил всё своё время, не смог отпустить ситуацию и решил унижить его публично.

Когда Алан сказал, что прощает его, и развернулся уходить в свою комнату, Селон сильно напруг руку и заехал своему отцу по щеке тыльной стороной ладони.

Мальчик вылил на отца все оскорбления, которые знал, а потом добавил:

— Лучше бы у меня вообще не было отца, чем такой.

Сильно хлопнув на прощание калиткой, Селон пошёл в сторону дома. По пути он ловил взгляды взрослых, осматривающих его травму.

Голова слегка болела, но всё было не критично. Когда мальчик дошёл до колодца, он набрал воды в ржавое ведро и помыл голову холодной водой, смотря в отражение. Холод снял боль, и мальчику стало намного легче. Теперь он мог спокойно идти домой.

Переступив порог дома, мальчик обнаружил, что Лимилии не было дома. На столе стояла каша, а под тарелкой лежала записка.

Ушла в город за покупками, вернусь вечером. Хорошо поешь и не забудь покормить Пиксона.

Пиксон — пёс, который приходил к ним время от времени. Он был очень красивым: маленький и кудрявый, с карамельного цвета шерстью и глазами-пуговками. Для стражи пёс совсем не годился, но играть с ним было весело.

Селон часто дурачился с ним после обеда, кидал ему палку, и тот приносил её в зубах. Характер у Пиксона был не самый лучший: он был чересчур своевольный и сильно скулил, если всё шло не так, как он хотел.

Селон вышел на улицу с тарелкой каши и громко окликнул своего шерстяного друга. Весь чумазый и в репейниках, Пиксон сразу прибежал к мальчику.

— Ешь, дружок, — сказал Селон, наблюдая, как Пиксон с аппетитом ест ненавистную ему кашу. — Надо тебя искупать. Доедай и пойдём.

Как будто поняв, что от него хотят, Пиксон в две секунды опустошил тарелку и побрёл в дом вслед за мальчиком.

Селон налил в кастрюлю воды из колодца, которую он большими запасами носил домой, и разжёл печку огнивом. Наконец вскипятив немного воды, он усадил Пиксона в тазик и, разбавив кипятком, принялся отмывать въевшуюся грязь и пыль.

Пиксон нейтрально относился к купанию и спокойно сидел, не мешая процессу. Как только водные процедуры заканчивались, маленький шерстяной комок начинал носиться туда-сюда и царапать любые поверхности. Возможно, ему было холодно, а возможно, это был просто стресс.

Насухо вытерев Пиксона, Селон замотал его в полотенце и положил на кровать, а сам лёг рядом и принялся читать книгу.

Литература о героях и сражённых ими чудовищах сильно впечатляла мальчика. Ему нравилась вся рыцарская тематика, и он едва скрывал восторг, услышав про настоящие мечи. После ссоры с Аланом он понимал, что остальные поддержат его, что бы ни случилось: слишком велико было влияние его отца.

Вот бы у мальчика тоже был кто-то влиятельный в родственниках, но о таком можно было только мечтать.

Вечером Селон решил провести время дома, помогая матери на кухне. Ему претило видеться с Аланом и остальной шайкой на его подпевках. Селон отпустил Пиксона на улицу и решил немного прибраться в доме для разнообразия. После собаки в доме всегда было грязно, и обычно убирала Лимилия, но сегодня он решил сделать это сам, не дожидаясь её.

На улице становилось всё темнее, и деревенские улицы уже вовсю освещала полная луна. Лимилия сильно задерживалась, и мальчик в предвкушении ждал, как его похвалят за блестящий пол в доме. Он потратил немало времени и сил, чтобы привести всё в порядок.

Дверь резко открылась настежь, и в дом забежала обозлённая Лимилия.

— Как ты мог? — спрашивала она у Селона со слезами на глазах.

— Да, я знаю, что бабушка умерла. Прости, мам, мне не стоило лгать, — проговорил Селон, явно не раскаиваясь.

— Что?! — продолжала Лимилия.

— Прости за то, что ударил отца, но он заслужил это.

— Ты что сделал?! — спросила ошарашенная Лимилия.

— Мам, может, просто скажешь, в чём дело? — прокомментировал Селон. — Я так выдам тебе всё, что тебе не обязательно знать.

— Я про твой план по краже у местного гарнизона.

— Но это не я придумал красть эти мечи.

— Я ни слова не сказала про мечи, значит, это всё-таки правда? — не унималась Лимилия.

— Я знаю про это, но это не я придумал, — оправдывался Селон. — Валдуин предложил нам провернуть это сегодня. Неужели они и вправду это сделали?

— Не делай вид, что не знаешь, — проговорила Лимилия, садясь на кухонный стул и положив руку на голову. — Твои дружки сдали тебя при первой же возможности, и сейчас к нам направляется командир взвода.

— Но это правда не я.

— Хватит лгать! — крикнула Лимилия. — Ты думаешь, я идиотка? Ты впервые решил навести порядок в доме. Думаешь, я не могу сложить два и два? Наверное, решил, что из-за этого я буду меньше ругаться.

Селон продолжал оправдываться и приводить аргументы, но Лимилию мало они волновали. Сейчас к её дому шло армейское правосудие.

Наказанием за воровство армейского имущества была казнь, но Селон был ребёнком, и наказание должен был принять на себя один из родителей.

В тот день Селон потерял веру в дружбу. Жизнь одного из его родителей висела на волоске из-за пары ссадин.

Мальчик упал на колени возле мамы и просил прощения. Он рассказал ей всю историю: и про отца, и про Алана. Лимилия наконец поверила мальчику, и на её лице появилась слегка заметная улыбка.

— Я рада, что умру, зная, что мой сын не переступил черту дозволенного, — спокойно произнесла она.

— Нет, мам, не говори так, — сказал Селон, продолжая рыдать.

В дверь кто-то постучал, и комната содрогнулась от нарастающего напряжения.

В кухню вошёл человек крупных размеров в нелепо выглядевшем золотом доспехе. Он оглядел кухню и надменно цокнул.

По виду он был довольно зажиточным. Пах дорогим парфюмом. Маска мешала разглядеть лицо, но тёмно-каштановые волосы были очень ухоженные и аккуратно заплетены во множество косичек.

Перестав глядеть по сторонам, он пнул стул, на котором сидела Лимилия, и та упала на пол. Видно было, что ему приносило удовольствие смотреть на неё свысока.

Переметнув взгляд на Селона, он заговорил:

— Вижу, ты уже оплакиваешь её смерть, — спокойно произнёс солдат.

— Не трогай её и убирайся отсюда, злодей! — крикнул Селон, сжав руки в кулаки.

— Забавно. Ты украл амуницию, а злодей — я?

— Я не делал того, за что вы хотите меня наказать.

— Всё указывает на тебя, — сказал мужчина и взял Лимилию за волосы. — Так что отвернись, пока я вершу правосудие.

— Оставь её!

— А что, если не оставлю? — спросил мужчина и провёл языком по щеке Лимилии, испытывающей паническую атаку.

Мальчик кинулся на обидчика и вцепился в ногу, пытаясь опрокинуть его. Одним движением ноги мужчина откинул его в сторону и принялся избивать ногой.

Он упивался каждым ударом, и после каждого вскрика Селона повторял ему, какие они все ничтожества, мусор, расходный материал.

Солдат бил его до потери сознания и собирался было добить его, но вмешалась Лимилия.

— Он ребёнок пророчества, — едва выдавила из себя испытывавшая ужас женщина.

— Что ты сказала? — яростно спросил у неё мужчина и схватил её за горло. — С чего вдруг я должен тебе верить?

— Я Лимилия Тейн, — прохрипела мать Селона. — Мой отец — бывший член королевского совета.

— Тейн? — переспросил солдат. — Так ты из одного из трёх великих домов. И как сейчас проживает лорд Тейн?

— Понятия не имею. Мы давно не общались.

— Что ж, наверное, это меняет дело, — сказал мужчина, спокойно поставив Лимилию на пол. — Раз уж вы, миледи, происходите из одной из самых влиятельных семей, я не вправе отнять у вас жизнь.

— С моей жизнью делай что хочешь, — проговорила Лимилия, откашливаясь. — Но не тронь моего сына.

— У меня есть предложение. Если выслушаешь — все останутся в плюсе.

— И какое же?

— Как только он станет совершеннолетним, он должен будет присягнуть на верность его величеству и вступить в ряды армии.

— Ни за что! — прокричала Лимилия. — Я не отправлю своего сына сражаться с этими тварями.

— У тебя нет выбора. Либо я убью тебя и заберу его на службу, либо ты отправишь его туда сама.

Осознав чувство беспомощности, Лимилия в конце концов согласилась на сделку. Другого выхода в данную секунду она не видела, а проблему нужно было решать здесь и сейчас.

— Ну, я рад, что мы договорились. Счастливого оставаться, миледи, — попрощался солдат. Этот момент все трое запомнят на всю оставшуюся жизнь.

Глава 4. Куда уходит детство

Прошло два долгих года с тех пор, как Селон узнал вкус предательства. Детство кончилось, а на смену ему пришла тяжёлая юность и подростковые переживания. Лимилия пыталась заставить мальчика изучить хотя бы основы военного ремесла, но в ответ лишь видела отмашку рукой. Мальчику не хотелось напрягаться ради чего-то такого, как служба в армии. Всего-то и дел — стереги кур да другую скотину. Когда нужно, набей морду устроившему дебош алкашу — да живи себе спокойно. Поняв, что потеряла власть над сыном, Лимилия бросила всё на произвол судьбы. В конце концов, если он не пройдёт отбор, то просто вернётся к обычной сельской жизни, что будет даже лучше.

За прошедшее время Селон слегка вытянулся в росте, но особой атлетичности не приобрёл. Он весил мало для своего нынешнего роста, но ел при этом за троих. Природа не наградила его нужным метаболизмом, и мальчик решил, что в драке будет делать упор на скорость, которой у него было в избытке.

Единственным его другом остался Пиксон, с которым он проводил всё время. Детей в Норте было всего четверо вместе с ним, поэтому после случившегося ему не с кем было общаться. Игривый пёс сильно привязался к мальчику и не отходил от него ни на шаг. Теперь он жил в их доме и даже спал с Селоном на одной кровати. Мальчик в какой-то степени даже был рад, что всё так сложилось и судьба отвела его от таких мерзких людей. Однако было и то, за что он корил себя и не мог простить.

На следующий день после нанесённых ему увечий его отец пропал. Никто не знал, куда он ушёл, но утром он раздал все свои долги и куда-то исчез. Возможно, ему было стыдно за то, что он причинил боль сыну, и, не в силах вынести стыда, он решил покинуть деревню. Наиболее реалистичной казалась версия, что он просто испугался гнева супруги, чуть не убившей его в прошлый раз, когда он причинил мальчику боль. Селон каждый день прокручивал в голове всё, что наговорил ему тогда в баре, и от этого ему становилось невыносимо тяжело на душе. Каждый раз он успокаивал себя тем, что Гамп сам поступил неправильно, но стыд всё равно разъедал его изнутри.

Лимилия знала о ситуации в баре и восприняла новость об уходе мужа и раздаче им проигранных денег как победу. Ей казалось, что она достучалась до него и он наконец задумался над личностным ростом. Даже если это стоило пары шрамов на голове её сына — что они по сравнению со спасением человеческой души. Воодушевившись, она каждый день ходила в бар и читала нотации сидящим там картёжникам в надежде спасти ещё несколько душ. Пьяные зеваки не сильно внимали её лекциям, даже когда она приводила в пример своего мужа, который, казалось бы, совсем находился на дне. Хозяину бара не сильно нравились эти нравоучения, но, опасаясь буйного нрава Лимилии, он тихо стоял в стороне и лишь изредка цокал.

Приближался день присяги, и Селон почти не спал. Всю ночь он смотрел в окно и гладил свернувшегося рядом Пиксона. Он смотрел на звёзды и мысленно просил всех богов, чтобы ему досталась зелёная метка.

Метка — это особый знак, который наносил верховный священник на присяге. Знак пропускал через себя благословение бога людей и превращал его в силу. Зелёная метка была самой слабой и лишь увеличивала физическую силу владельца, как и остальные метки. Преимуществом фиолетовой, помимо повышения физических качеств, была случайная способность. У каждого она была разная — по типу увеличения скорости, невидимости и полёта. Была и самая редкая белая метка. За всю историю существования Фьюстата только один человек смог получить её.

Регер был обычным фермером, который днём работал в поле, а вечера просиживал в кабаках в компании молодых девиц. Не было в нём ничего примечательного, но так казалось лишь до того дня.

Главный священник объявил, что ему явился бог во сне и что он отныне проводник его воли. Держа в руке странный символ, он выступал на городской площади и собирал всех желающих вступить в ряды армии, чтобы отбить угрозу в виде нежити. Регер не был ярым патриотом, да и умирать в битве не хотел, но в тот момент его как будто что-то кольнуло, и он вызвался со всеми. Десяток крестьян встали в шеренгу и преклонили колени перед его святейшеством. Обойдя их по кругу с кадилом и нарисовав странные символы на их руках, он начал что-то невнятно говорить про себя. Символы пылали, но люди не чувствовали боли. Все светились зелёным светом, кроме одного.

Свет белого пламени обволакивал руку будущего героя, и на одну секунду страх, что его отвергли боги, поселился в нём. Позже выяснилось, что ему досталась сильнейшая способность, которая могла бы уничтожить всё население материка, но уничтожила почти всех нечестивых. Взамен на годы своей жизни Регер отбил наступление и установил мир на континенте, но, едва вернувшись домой, он умер.

Статуя героя стоит в каждом королевстве, но самая большая и из золота стояла в Фьюстате перед воротами в королевский дворец. Подвиг Регера не забыли, и взрослые рассказывали детям сказки про героя, который самолично очистил мир от скверны. Дети дрались друг с другом, когда играли в войнушки, потому что каждый хотел быть героем. Наследие Регера дало каждому надежду, что любой может стать великим.

Королю же не понравилось наличие столь огромной силы у крестьянина. Поэтому ни одного простолюдина не пустили в армию после Регера. Он боялся, что, если несколько человек получат похожую силу, то поднимут восстание, и его правление закончится.

Ульрика называли худшим королём. Скучный ум и полное телосложение явно не были помощниками в наборе авторитета. Его отец сильно любил единственного сына, поэтому избаловал его в детстве. Так и не постигнув ни одной дисциплины, необходимой для руководства государством, Ульрик возложил все дела на совет, а сам лишь наполнял дворец наследниками.

Селон не хотел получать сильную метку. Ему достаточно было бы нести службу в карауле и охранять деревню. Полночи он провёл в предвкушении завтрашнего дня, пока не услышал скрип двери в его комнату.

— Селон, ты спишь? — шёпотом спросила Лимилия.

— Нет, мам, не сплю. Что-то случилось? — ответил Селон, продолжая смотреть в окно.

Пиксон собирался было залаять, но, увидев Лимилию, бухнулся обратно и, немного порывав, уснул. У пса была странная привычка лаять на любой шорох и звук за дверью, и поначалу это мешало мальчику уснуть, но со временем он привык. Сегодня же Пиксон был на удивление спокойным, как будто понимал, что мальчику нужно выспаться.

— Нам нужно поговорить, — продолжила Лимилия. — Мне нужно рассказать тебе о твоём рождении.

— Фу, мам, не надо, — сказал Селон, неправильно её поняв.

— Я не об этом, балбес. В тот день четырнадцать лет назад в небе загорелась самая яркая звезда из всех. Она была настолько яркая, что люди, смотревшие на неё, слепли. Она горела недолго — около пяти минут, но своим светом озарила весь континент, и все понимали, что она — вестник чего-то, что изменит историю нашего мира.

— Пока не совсем понятно, к чему ты клонишь.

— Есть пророчество, которое предсказывает сильного воина, рождённого под звездой, который уничтожит всё зло.

— И это я?

— Честно? Я понятия не имею.

— Как это? Я же родился в этот день, значит, это точно я?

— Ты прав, но представь, сколько людей населяет наше королевство. Какова вероятность, что ты единственный ребёнок, рождённый в этот день?

— Низкая?

— Думаю, что да. Но я верю, что тебе уготована великая судьба. Если, конечно, ты возьмёшься за голову и начнёшь относиться ко всему серьёзно.

— Я могу стать таким же, как Регер?

— Надеюсь, нет. Мне нужен живой сын, а не сын-герой. А теперь спи, завтра тебе рано вставать.

Едва Лимилия вышла из комнаты, Селон уснул и проспал до самого утра.

Как только солнце пробилось в окно комнаты, мальчик проснулся и стал собираться. Собрав в вещмешок всё самое необходимое, мальчик поцеловал мать на прощание, погладил Пиксона и двинулся в путь.

На выезде из деревни его ждала повозка с запряжёнными в неё лошадьми. Каждое утро она возила жителей из разных деревень в столицу, и сегодня была битком. Селон еле протиснулся между двумя мужчинами и сел на скамейку повозки.

Лошади едва двигались по тропе. Нагруженные людьми, они быстро выдохлись и едва волочили копытами. Кучер как мог подгонял их, но, когда повозка добралась до подъёма на гору, все поняли, что идти придётся пешком.

Селон кинул вещмешок на плечи и вместе с остальными начал восхождение на гору.

— Первый раз в столице? — спросил у мальчика идущий рядом мужчина с моноклем на глазу.

Коричневый, красиво вышитый халат выдавал в нём человека знатного происхождения.

— Да, первый раз, — признался Селон. — Это так заметно?

— О да. Вы, мой друг, сильно нервничаете — это вас выдаёт. Могу ли я поинтересоваться, с какой целью вам нужно попасть в город?

— Я поступаю на службу. Сегодня приму присягу.

Окинув мальчика неодобрительным взглядом, мужчина фыркнул, поднял свой большой палец вверх и демонстративно зашагал вперёд, не обращая внимания на мальчика.

— Не обращай внимания, этих богачей один чёрт поймёт, — сказал мужчина позади него и протянул ему руку. — Я Майсен.

— Селон, — сказал мальчик, пожимая огромную руку. — А вы зачем в столицу?

— Да на рынок. Продать десяток яиц да тушки куриц. Мои цели намного проще твоих.

Селон улыбнулся, почувствовав свою важность. Идя нога в ногу, они долго разговаривали о деревенских тяготах, пока наконец не дошли до ворот.

— Сейчас по очереди подходим и называем цель прибытия, после чего идёте в бюро и берёте талончик! — прокричал воин в доспехах.

Не сориентировавшийся Селон стоял последним и ждал, когда очередь дойдёт до него. Он видел, что стражники досматривают вещи и забирают всю скоропортящуюся еду. Якобы для того, чтобы пропавшая еда не портила воздух столицы, а плесень не вызывала болезней. Все понимали, что они сами её съедят, возразить же возможности не было.

Наконец, когда очередь дошла до мальчика, он протянул сумку и стал ждать.

— Цель визита? — спросил стражник, откладывая хлеб и вяленое мясо в сторону.

— Насколько я знаю, вяленое мясо — это не скоропортящееся, — твёрдо сказал Селон. — Положите на место.

— Ты вздумал мне дерзить? Здесь я решаю, что можно, а что нельзя. Повторю вопрос в последний раз: цель визита?

— Я здесь, чтобы присягнуть на верность его величеству и пополнить ряды его армии.

Изумлённый стражник сунул мясо обратно в мешок и пропустил мальчика вперёд, предупредив, что ему в бюро заходить не нужно.

За спиной Селона опустились ворота, а перед его глазами предстал величественный город на скале. Огромную статую героя было видно отовсюду — она перекрывала собой вид на королевский дворец. Рядом с воротами был рынок, и Селон увидел раскладывающего продукты Майсена. Махнув ему, мальчик пошёл осматриваться дальше.

Фьюстат был поделен на три уровня. У подножия скалы жили бедняки. Здесь в основном были участки с огородами, рынки и небольшие площади для представлений. Отдыхали люди так же, как и в деревне, в барах, коих тут было огромное количество. Хоть это и была столица, но здесь мальчик чувствовал себя как в своей тарелке.

— Сынок, — окликнула его едва идущая старуха, — хочешь, я расскажу тебе твоё будущее?

Селон удивился. Неужели в столице бывают и такие чудеса?

— Конечно хочу. Сколько это стоит? — спросил Селон, пересчитывая на ощупь четыре медные монеты в кармане.

— Это бесплатно, милочка. Протяни свою руку.

Селон протянул свою руку и смотрел на неё в упор, как попросила его старушка. Женщина рассказывала ему невероятные вещи: что он станет следующим героем и статую его установят рядом с нынешним героем, что сам король будет предлагать ему трон, но он откажется. Дети его сразят самих богов, и не останется никого, кто не знал бы его имени.

Вдруг шлепок привёл Селона в чувство. Он увидел, как кто-то схватил руку старухи у него в кармане.

— Перестаньте его дурачить, пожалуйста. Вы же видите, что он всему слишком сильно верит. Зачем вы этим пользуетесь? — сказал парень, грозно смотря на старуху.

Старуха посмотрела на символ на его кожаной фиолетовой куртке, бросила в него свою трость и тут же убежала.

Беловолосый парень широко улыбнулся и, подняв её трость, поглядел на Селона.

— Спасибо, но я и сам бы справился, — сказал Селон, продолжая пересчитывать монеты.

— Верю, но я ускорил процесс, — сказал парень, осматривая трость. — Дорогостоящее дерево, и, судя по тому, как она легко с ним рассталась, ты не первый, кому она предсказала «будущее».

— Ну хватит. Я согласен, что сглупил. Первый раз в столице — откуда мне было знать, что она шарлатанка?

— Да я понимаю. Помню, меня так тоже один раз обманули. Повезло, отец был рядом.

— Правда?

— Да. Только мне было лет пять.

Посмотрев друг на друга, мальчики посмеялись и оба почувствовали, что этот момент может стать началом крепкой дружбы.

— Селон, — мальчик протянул руку.

— Ого, а я думал, моё имя необычное. — Рема протянул руку в ответ. — Ты здесь, чтобы что-то продать?

— Нет. Я здесь, чтобы присягнуть его величеству, — с гордостью ответил Селон.

— О как. Я тоже.

— Тогда можно один вопрос?

— Конечно.

— Неужели тебе не жарко в этой куртке? Пожалей тех, кто будет с нами — им не обязательно испытывать на себе твоё химическое оружие.

Мальчики снова переглянулись и засмеялись ещё сильнее. В тот момент они поняли, что не чувствовали подобных уз. Ни Селон не испытывал подобного ощущения со своими

друзьями, ни Рема, у которого почти не было друзей. Они оба как будто плыли одним единым течением, как будто сама судьба подтолкнула их друг к другу.

— Это отец заставил меня надеть. Куртка с символом нашей семьи, — с тоской сказал Рема, показывая на эмблему лисы, державшей ключ в зубах.

— Значит, ты из дворян? — спросил Селон.

— Да, только не нужно ко мне по-особенному относиться. Ты хороший парень, и я сильно разочаруюсь, если ты станешь подхалимом.

— Об этом не переживай, — ехидно улыбнулся Селон.

Рема, удовлетворённый ответом, предложил новому другу провести экскурсию. Они долго ходили по окрестностям, ели сладости за счёт Ремы. Тот не принял деньги Селона, сказав, что проявляет гостеприимство.

Когда они поднялись на второй уровень города, Рема показал вдалеке вид на свой дом. На втором уровне находились сплошь дворцы и огромные дома. Здесь Селон, не привыкший к роскоши, чувствовал себя не так уверенно. Помимо домов были и культурные заведения по типу музеев и театров.

Возле одного из них мальчик увидел зажиточного человека, с которым познакомился, пока поднимался по скале. Он ставил антивоенную пьесу в театре, и Селону стало понятно, почему он так отреагировал на цель его визита.

Его новый друг предложил зайти в кабак и снять комнату на ночь. Он объяснил, что присяга вечером, и он не успеет вернуться в свою деревню — придётся ехать утром. Селон заплатил две монеты за комнату и отправился изучать окрестности дальше.

Когда они дошли до статуи героя, оба стояли заворожённые её величием. Даже Рема, видевший её не первый раз, каждый раз испытывал чувство гордости. Всю жизнь он стремился быть таким же с тех пор, как увидел статую.

Рема был очень добрым мальчиком. Он относился к каждому с добротой, не присущей аристократу. За всю свою жизнь он не сделал ни одного злого проступка, что отличало его от Селона.

Селон не раз воровал, обманывал и делал очень много всего, о чём не рассказывают. Собственно, поэтому его мать и не поверила, что его подставили. Говорят, что противоположности притягиваются — возможно, поэтому мальчикам так нравилось общество друг друга.

Время было не на их стороне, и с наступлением заката они оба вспомнили цель своего визита в столицу. Посмотрев на обжигающее глаза солнце, они кивнули друг другу и направились в сторону тренировочной площадки.

Путь от статуи тянулся вниз по склону, и, добравшись до места, Селон обнаружил, что это совсем рядом с рынком. После экскурсии он достаточно хорошо ориентировался по городу и теперь без труда смог бы найти дорогу, если бы потерялся.

— В шеренгу быстро! — раздался крик.

Бегом они заняли свои места в шеренге в соответствии с ростом. Рема был значительно выше Селона, поэтому между ними была целая пропасть из людей. Все были одеты в богатые доспехи и украшали их и щиты гербами семей. Селон сильно выделялся в своей крестьянской одежде и деревянной битой на поясе.

Перед ними стоял постамент, с которого их оглядывали три величественные фигуры. Члены совета как будто искали глазами достойных присоединиться к их гильдиям. Молчание нагнетало атмосферу и создавало неуместную интригу, пока его не прервал королевский шпион.

— Я глава гильдии шпионов, — сказал Берн. — Мы втроём самые влиятельные люди в королевстве, если не считать короля. Поэтому не тратьте своё и наше время и делайте то, что вам прикажут.

— Это мой отец, — сказал Рема, посмотрев на Селона.

Едва он это сказал, как тут же ощутил на себе недовольный взгляд Берна.

Остальные двое из совета стояли в стороне. Главнокомандующий Гастор лишь со злобой смотрел на новобранцев — ему были нужны воины, а не дети. Его святейшество Мелькиодас стоял рядом и успокаивал его, что сила метки сделает воином даже полумёртвого бурундука.

— Преклоните колено, — наконец сказал Гастор и вышел вперёд. — Сейчас мы решим, кто отправится в академию обучаться военному делу, а кто будет пасти овец.

После крайней фразы он громко рассмеялся, но шутка не вызвала истерического смеха у собравшейся толпы.

— Ваше святейшество, прошу, начинайте, — сказал Берн и протянул руку в сторону новобранцев.

Немощный и едва идущий старик прошёл мимо будущих защитников королевства и тысячный раз повторил ритуал.

Символы вновь загорелись пламенем, но один горел ярче всех.

Белый свет пламени заполнил всю руку мальчика, и все окружающие испытывали страх перед пробуждающейся силой. Импульс пронёсся по всему королевству, и в тот день все ощутили, что этот день станет точкой, в которой изменится вектор истории.

Он был вторым, кто пробудил белую метку, и пока не до конца понимал, что ему чувствовать. Вроде это и великая сила, но один неверный шаг — и она может причинить большой вред королевству.

Рема посмотрел на довольного отца и понял, что волноваться не о чем. Что бы ни случилось, отец подскажет, что делать дальше.

После одного взгляда на остывшую метку он услышал в голове: «управление светом».

Рука Селона горела фиолетовым пламенем, и мальчик, желавший зелёную метку, обрадовался. После встречи с Ремой он очень хотел поступить с ним в академию.

На этом удача, пожалуй, закончилась.

Селон посмотрел на метку и услышал в голове: «плевок кипятком».

Берн пнул стоявшего рядом писаря, и он записал все пробуждённые способности.

— А теперь все, у кого зелёные метки, завтра можете заступать в караул! — громко крикнул Гастор. — Щиты и доспехи с эмблемами оставьте дома и не позорьтесь. Остальных же ждёт участь похуже: через месяц вы должны явиться на порог академии меча, которая спрятана в лесу. Не явитесь ровно через месяц — и метка пропадёт, а вы больше никогда не сможете поступить на службу.

Рема стоял и о чём-то радостно говорил отцу. Берн лишь кивал и показывал напускное безразличие, как будто боясь проявить хоть каплю эмоций.

Селону стало не по себе после того, как он узнал о своей способности, поэтому, не дожидаясь Рему, он отправился в таверну на ночёвку.

Голова как будто набухла от нарастающего напряжения. Любая вероятность быть ребёнком из пророчества пропала. Ещё и метка была фиолетовой, и придётся бродить по лесу в поисках академии.

Шаг сменился бегом, и Селон хотел убежать от своих проблем. Он просто нёсся вперёд, не смотря по сторонам.

— Ай! — вскрикнул старик в капюшоне.

Селон упал на землю и, когда поднял глаза, увидел перед собой нечто зловещее и отдалённо похожее на человека. То был Морто — алхимик короля. Поговаривали, он частенько ставил на себе эксперименты, поэтому выглядел как ходячий труп.

Опираясь на свой огромный посох с черепом на верхушке, из которого выходило зелёное пламя, Морто прочитал нотации Селону и отправился в сторону дворца.

Мальчик отряхнулся и, придя в себя, спокойно отправился к месту ночлега.

На первом этаже была невообразимая гулянка. Селон, отец которого любил выпивать, в первый раз видел такое количество алкоголя. Все пели песни, боролись на руках и рассказывали друг другу удивительные истории.

Атмосфера сильно отличалась от той унылой, что была в их баре. К ним ходили скорее, чтобы заглушить проблемы, а здесь же люди, наоборот, переполнялись весельем.

— Чего стоишь, пацан? — окликнул бармен Селона. — Иди пропусти стаканчик.

Селон решил попробовать пиво. Насмотревшись на окружение, он решил, что немного поднять себе настроение не помешает.

Едва подняв деревянную кружку обеими руками, Селон выпил половину залпом и потерял сознание.

— Очнулся наконец, — сказал хозяин таверны, открывая шторы в его комнате. — Да-а, так гулять нужно уметь.

— Что вчера произошло? Я ничего не помню.

— Неудивительно. Первый раз пил?

— Да, слегка увлёкся.

— Слегка? Да ты полкружки залпом выпил. Если так пить это пойло, то и меня поведёт.

— Долго я спал? Мне нужно обратно в мою деревню.

— Ты спал около четырёх часов, лёг совсем недавно. До утра почти песни пел, а ещё меткой своей хвастался. А когда ты с её помощью всех в армрестлинге выиграл, толпа начала расходиться, и ты пошёл спать.

— Весело звучит.

— Ага, очень. Три стола мне сломал своими ручищами. Давай собирайся и на выход — второй такой пьянки это место не переживёт.

Селон хотел позавтракать вяленным мясом, но от вида еды его воротило. В горле стояла адская сухость, как будто он провёл полжизни в пустыне звероловов.

Вдоволь напившись воды и собрав оставшиеся вещи, Селон поблагодарил за гостеприимство хозяина таверны и отправился к воротам.

Уже знакомые ему стражники увидели фиолетовую метку и пропустили мальчика без каких-либо вопросов. Белая рубашка мальчика слегка просвечивала её сияние.

Слегка удовлетворённый тем, что хоть кого-то он превосходит, мальчик начал спуск с горы.

Стражники объяснили, что телега сегодня не приехала и, возможно, не приедет. Деревня была почти у подножия горы, на которой стоял Фьюстат, так что мальчик не сильно расстроился.

В стороне деревни виднелся белый дым, и мальчик что было сил рванул вперёд.

Его не волновало своё состояние и то, что бег заставлял его живот невообразимо сильно болеть. Ноги, исходившие всю столицу, едва его держали, но и это не могло остановить мальчика.

Туман стелился по всей деревне. Селон видел не дальше своего носа. По памяти он дошёл до своего дома и обнаружил на полу мёртвую Лимилию.

Её тело было синим, и было понятно, что умерла она давно. Живот весь в колотых ранах, а синяки на руках указывали на то, что она сопротивлялась.

Селона вывернуло от увиденного, и, опустошив свой желудок, он упал рядом с матерью.

Слёзы падали на лицо уже ничего не чувствующей Лимилии. Мальчик извинялся за каждый свой проступок. В тот момент он осознал, что виноват он сам, а не его бывшие друзья.

Если бы он слушался её и избегал плохой компании, то сейчас она была бы жива.

В тот день Селон пообещал себе, что станет человеком, которым она бы гордилась.

Туман начинал рассеиваться, и Селон понял, что потеря матери — это не единственный ужас, который ему предстоит сегодня пережить.

Вся улица была в трупях. Окровавленные стены домов и вид на изувеченные тела заставили Селона вывернуть свой желудок ещё раз.

Как можно принять, что все, кого ты знал, мертвы?

Мальчик впал в безумие и, упав на колени, громко закричал. В голове была каша, и единственная мысль, которая пробегала из раза в раз, была о том, что ему всё снится.

Ещё чуть-чуть — и он проснётся, а это окажется худшим кошмаром.

— Один остался. Идите, я догоню, — раздался голос в конце улицы.

Слева от мальчика появился большой антропоморфный ящер верхом на саламандре.

Умело вращая копьё в своей руке, он ринулся на Селона и занёс копьё над его головой, но в последний момент остановился.

На лице мальчика была безумная улыбка. Он начал рвать свои волосы в надежде почувствовать хоть что-то и проснуться.

Сердечная боль была сильнее любой другой, и он не чувствовал ничего.

Вид обезумевшего мальчика вселил страх в ящера. Он впервые видел такое безразличие перед смертью.

Селону и правда было плевать. Ему казалось, что смысл жизни для него утерян.

Так и было, пока он не услышал знакомый лай.

Появившийся из ниоткуда Пиксон с переломанной лапой подбежал к мальчику и укусил за запястье.

Эта боль привела мальчика в чувство. Увидев своего пса, он ощутил лёгкое тепло на душе.

Осуждающе посмотрев на мальчика, Пиксон побежал в сторону ящера и вгрызся тому в руку.

Тот схватил его за шею, бросил на землю и прижал горло древком копья.

Вовремя опомнившийся Селон из последних сил рванул на врага. Метка пылала ярким огнём, и мальчик никогда не был таким быстрым.

Уклоняясь от каждой атаки, он выжидал момент, когда ящер раскроется.

И как только это случилось, он плюнул в него всей собранной слюной.

Слюна обожгла морду ящера, и тот завопил, отбросил копьё и стал держаться за лицо в надежде унять боль.

Саламандра скинула своего наездника и уползла прочь.

Селон не терял ни секунды. Он сел сверху на только что упавшего противника и стал вбивать кулаками его голову в землю.

Метка всё ещё пылала, и каждый удар рукой ощущался для ящера как удар огромным булыжником.

Он понял, что это его конец, и, сделав последний вдох, обмяк.

Селона же это не остановило. Он продолжал бить уже неживое тело до тех пор, пока Пиксон не лизнул его щёку.

На то, чтобы горевать и жалеть себя, не оставалось сил.

Селон сделал лангет Пиксону — такой же, как когда-то делали ему. Собрал все найденные им тела в одном месте и поджёг.

Он был рад, что хоть чему-то научился у матери.

Навыки первой помощи и вправду емугодились, а знания о мертвецах подсказали, что тела лучше сжечь.

Ему не сильно хотелось столкнуться с кем-то знакомым в пылу битвы и уж тем более убить его ещё раз.

Смрадный запах горящих трупов отбил все приятные воспоминания об этом месте.

Ещё вчера он пил в баре, даже не подозревая, что может случиться то, что поставит между ним и детством границу.

Окинув догорающую деревню последним взглядом, Селон подозвал Пиксона и отправился с ним в чащу леса.

Глава 5. Поиск

Раскинувшийся рядом с деревней лес был густо засажен деревьями. Для начала мальчик решил, что необходимо перекусить. Он достал вяленое мясо из сумки, руками разделил его на куски и отдал половину Пиксону. Ужасно голодный пёс быстро набросился на мясо, и за пару укусов от него осталась лишь кость. Селон ел своё более неторопливо: он понимал, что следующий приём пищи может наступить не скоро.

Проронив последнюю слезу, мальчик собрался с мыслями и с нетипичной для него серьёзностью стал обдумывать дальнейшие действия. Ему нужно было найти академию — неизвестно где, в огромном лесу. Без карты и каких-либо ориентиров эта задача казалась невозможной, но сдаваться Селон не собирался.

Судьба преподносила ему всё новые испытания. В небе появился тёмный силуэт, и мальчик услышал птичий клёкот. Тень от огромной птицы с железным оперением и стальным клювом накрыла половину леса, и Селон, быстро отреагировав, спрятался в кустах. Как только тень скрылась, мальчик с питомцем двинулись в другую сторону. Оставаться на одном месте было опасно, поэтому, перемещаясь вдоль деревьев, они прокладывали себе путь. Мальчик делал дубинкой отметки на каждом пройденном дереве, чтобы не заблудиться.

Сильным удивлением было для него то, что лес был полон других отметок, и уже скоро Селон осознал, что этот вариант не сработает. Внимательно осмотрев дерево, он увидел множество отметок на его стволе. Некоторые были совсем старые и принадлежали предыдущим прошедшим присягу, но были и совершенно новые засечки.

Пиксон унюхал что-то впереди и рванул вперёд на трёх лапах. Впереди горел костёр, а окружала его вытоптанная трава. Было件нятно, что люди, которые его разожгли, спешно покинули это место, испугавшись железнокрыла.

Мальчик присел у костра. Его живот сильно урчал и словно начинал есть сам себя. Съеденное мясо едва утолило чувство голода после двухразового опустошения желудка.

Взгляд Селона притянуло птичье гнездо на верхушке дерева. Аккуратно взобравшись на верхушку, он кинул яйцо в сумку на плече и осторожно спустился вниз. Готовка была не лучшим его навыком, но, просунув ветку в заранее сделанную дырку в скорлупе и подвесив яйцо над костром, он ощущал себя чуть ли не лучшим поваром континента.

Когда еда наконец была готова, путники вновь разделили её между собой и, утолив чувство голода, продолжили путешествие.

Проплутав весь день по лесу и не найдя ни одной живой души, несмотря на метки и костёр, последние выжившие решили заночевать под деревом. Селон притушил костёр, достал брезент из сумки и расстелил сверху, чтобы не спать на холодной земле. Погладив шерсть Пиксона, улёгшегося рядом, мальчик закрыл глаза и заснул.

Солнце только начало освещать поляну, где они спали, как вдруг земля сотряслась, и приземлившееся существо с молниеносной скоростью приближалось к только проснувшимся друзьям.

Селон подкинул брезент вверх и на секунду закрыл монстру обзор. Когда железнокрыл опомнился, мальчик с Пиксоном на руках уже мчался со всех ног вдали.

Два взмаха крыльев понадобилось, чтобы догнать беглеца, и клюв почти закрылся над его головой, но он вовремя увернулся и плюнул в гигантскую птицу, что лишь её рассердило.

Он всего один раз пользовался способностью, и не мешало бы поработать над точностью. Поэтому, когда плевок попал в железный клюв, он был к этому готов. Финт корпусом — и Селон был уже позади птицы.

Ноги сами сделали прыжок, и, забравшись на спину монстра, Селон с Пиксоном начали выдёргивать железные перья одно за другим. Едва справляясь с силой метки, он не ожидал, что прыгнет настолько высоко.

Железнокрыл взмыл в небо, и, едва удерживая себя одной рукой, а другой Пиксона, он начал оглядывать окрестности. Полёт мог длиться всего пару секунд, и было бы глупостью не воспользоваться преимуществом.

Вдалеке стоял старый мрачный особняк, и Селон подумал, что, скорее всего, это и есть то место, куда ему нужно попасть.

Пиксон сгруппировался и запрыгнул на голову парня, чтобы у того было две свободных руки. Две руки с силой впились в перья и кожу чудовища и заставили его изменить курс в сторону особняка.

Железнокрыл сделал разворот в воздухе и скинул оседлавших его возле ворот.

Силуэт птицы удалялся всё дальше, и Селон наконец расслабился. Рядом стоял стражник, который, кажется, был совсем не удивлён тем, что произошло. Каменное лицо смотрело на Селона и внушало опасность.

— Я пришёл учиться в академии, — сказал мальчик, показывая на метку.

Солдат продолжал стоять, не обращая внимания, пока к нему не подошёл Пиксон. Пёс стукнул лапой по латному доспеху и смотрел в глаза обратившего на него внимание человека.

Увидев его, стражник преклонил колено и незамедлительно открыл ворота.

Пёс махнул Селону больной лапой и позвал внутрь. Из особняка послышался звук колокола.

Ворота замка распахнулись, и прислуга выстроилась в шеренгу, чтобы встретить пса. Он шагнул по красной ковровой дорожке, принимая поклоны головой от выстроившихся людей. Ничего не понимая, мальчику казалось, что он где-то стукнулся головой и происходящее ему мерещится. Всё казалось настолько абсурдным, что мальчик совсем ничего не понимал — до тех пор, пока Пиксон не начал принимать человеческий облик.

Перед ним стоял пожилой человек, который был одет в красиво вышитый зелёный фрак. От него пахло дорогим алкоголем и приторно сладкими духами. Он скинул халат, и по щелчку пальцев ему принесли чистую одежду. Несмотря на возраст, он был в отличной физической форме, и по его мышцам было понятно, что он ежедневно тренируется.

— Меня зовут Айзег, рад познакомиться с тобой, — сказал старик.

— Кто вы такой и почему притворились моим псом? — спросил разозлённый Селон, ожидая засады.

— Давай по порядку, — проговорил старик, усевшись на трон и болтая вино в бокале. — Как бы сказать... я не притворялся твоим псом, я и был им. Видишь ли, некоторое количество лет назад моя бестолковая дочь вышла замуж за ещё более пустоголового пьянчугу.

— Причём здесь я?

— Если ты не будешь перебивать, я расскажу. Не заставляй меня звать стражников, — пригрозил Айзег, наконец отпив из бокала. — Так вот, видишь ли, ты мой внук, и твоя мать при жизни запретила мне приближаться к тебе. Пришлось импровизировать, поэтому я притворялся вашим домашним животным на протяжении четырнадцати лет. Я сильно переживал за дочь, поэтому не мог оставить вас одних.

— Тогда где ты был, когда её избивал солдат? Или когда на деревню напали бандиты?

— Солдат избивал её по моему распоряжению. Она должна была отправить тебя на службу. Ты дитя пророчества и должен служить в армии.

Метка вновь пылала, и ярость заставила его кулаки нанести удар. Пропустив самый сильный удар, который только мог нанести Селон, его дед даже не дрогнул. В следующую секунду стражники схватили его и прижали к ковру возле каменного трона.

— Сначала дослушай, — сказал Айзег, вытирая кровь с лопнувшей губы. — Как я и сказал, он избивал её по моему приказу, и если бы мне нужно было повторить это, я бы повторил. Есть вещи важнее отцовских чувств, и судьба королевства — одна из таких вещей. Что же касается нападения на деревню, то я не мог им помешать, потому что был с тобой.

— Врёшь, я шёл один, — еле выдавил Селон с коленом на горле.

Айзег допил вино и налил новое в бокал. Заняв своё прежнее место, он продолжил разговор.

— Тебе так казалось. На самом деле я следил за тобой от твоей стычки на горе до твоей легендарной попойки.

— Тогда ты знаешь, какая нелепая способность мне досталась. Какое из меня дитя пророчества? Ты хоть представляешь, сколько детей в мире родилось в тот день?

— Да. Ты единственный.

— Но тогда почему...?

— Понятия не имею. У богов свои планы. Отпустите его, я хочу обнять внука.

Айзег встал с трона и крепко обнял Селона. Всю ту любовь, которую он годами копил и не мог проявить к дочери, в тот момент он отдал внуку. Хруст костей был необычным проявлением любви, но по-другому проявить её он уже не мог.

— Переоденьте его, покажите здесь всё и подготовьте к обеду, — сказал Айзег и ушёл вместе со стражниками.

Прислуга быстро подхватила Селона под руки и отвела в ванную. Два часа они смывали с него грязь и запёкшуюся кровь. Руки после ударов по прочной чешуе зверолода ужасно болели.

Дворецкий Рудольф протянул мазь мальчику, и тот стал втирать её в руки. Спустя час раны затянулись, и он чувствовал себя лучше, чем когда-либо.

— Пройдёмте, молодой господин, — сказал Рудольф, проводя рукой вдоль коридора.

Рука дворецкого в белых перчатках скользила по каждому предмету на стене. Убедившись, что перчатка осталась белой, он довольный сложил руки за спиной и повёл Селона в гардероб.

Из шкафов едва не валились парики, расшитые халаты и парадные костюмы. Из всего разнообразия одежды Рудольф сказал ему выбрать что-то одно и спуститься вниз для трапезы.

Глаза мальчика не знали, куда и смотреть, пока взгляд его не упал на чёрный дублет, вышитый красивым узором. Слегка сковывающий движения наряд придал деревенскому мальчику вид знатного человека.

В столовой стоял один большой стол, полный еды. Прислуга не ожидала визита гостей, потому многое было приготовлено только что. Люди в чёрно-белых одеяниях бегали туда-сюда, принося всё новые и новые подносы.

Селон сел за стол и посмотрел на своего деда на противоположном конце стола. Над его головой висел герб семьи Тейн — пёс в золотом обрамлении. Собака как две капли воды была похожа на Пиксона, и мальчику стало немного грустно. Вроде у него появился дед, но с открытием секрета его пса у него не осталось друзей. В данный момент ему казалось, что Рема не захочет дружить с ним из-за его способности.

— Ты о чём-то переживаешь? — прервал молчание Айзег.

— Фсе вопрдк, — сказал Селон, набивая рот.

— Пережёвывай тщательно, тогда чувство насыщения придёт быстрее. Вижу, тебя заинтересовал наш герб. Хочешь, расскажу тебе про твоё наследие?

— Моё наследие?

— Да, ты наследник дома Тейн. Единственного оставшегося рода из трёх, что основали это королевство. Только у нас из тысячи людей, населяющих континент, есть фамилия.

— Это всё хорошо, но я до сих пор не понимаю, при чём тут я?

— Балбес, как думаешь, кто займёт моё место, когда меня не станет?

— Мне это не интересно. Моя мать не хотела жить такой жизнью, и я тоже не собираюсь. Дитя пророчества, аристократ — это всё звучит красиво, но на деле я обычный сын конюха, и мне станет ужасно скучно сидеть каждый день на троне и пить вино.

— Твоя мать была дурой — отказаться от всех преимуществ ради какого-то забулдыги из бара.

— Не смей так говорить про мою мать!

Разговор продолжался на повышенных тонах, и родственники сами не заметили, как решили выяснить отношения в спарринге.

Селон, победивший наёмника, а затем пережив атаку одного из самых опасных существ, населяющих Аркелон, чувствовал запредельную уверенность. Конечно, она была излишней у него и ранее, но столько происшествий за такой короткий промежуток довели её до предела.

Айзег видел это и, конечно же, решил преподать урок внуку, который не осознавал, с кем ему придётся подраться.

Подвал был оборудован всем необходимым для тренировок. Новые тренажёры, утяжелители и мишени для стрельбы стояли вдоль стен. В центре находился огромный круг, наполненный песком, а по краям горели факелы.

Из-за дыма, слегка заполняющего помещение, дышать было тяжелее обычного. Разрежённый воздух в помещении тренировал правильное дыхание и выносливость.

Занимающийся каждый день Айзег обладал огромным преимуществом над Селоном, но мальчик не собирался сдаваться.

Оба оголили торс и приступили к разминке. Старые кости громко хрустели, но вид напряжённых мышц деда вызывал неуверенность у мальчика.

Тощий и без намёка на присутствие мышечной массы, мальчик обдумывал план на бой. В голову ничего не приходило, так что лучшим вариантом ему казалось использовать скорость и бить, как только противник откроется.

Два раза эта стратегия уже помогла ему выиграть, а значит поможет и в третий.

— Рудольф, засеки минуту, — сказал Айзег, закончив разминку и ступив в круг.

— Покрасоваться решил, старик? — сказал Селон и ступил навстречу. — Мне хватит и половины минуты, чтобы уложить тебя.

— Ты не понял. Минуту я не буду атаковать тебя, но как только она истечёт, бой закончится.

Взмах рукой дворецкого ознаменовал начало боя, и мальчик сделал быстрый рывок в сторону деда.

Удар рукой прошёл мимо плеча Айзег, и он демонстративно зевнул.

Селон попытался сразу развернуться и ударить пяткой в подбородок, но нога снова прошла в миллиметре от головы.

Град ударов осыпался на пожилого мужчину. В ход шли руки и ноги. Ни один удар так и не достиг цели, в какую бы область тела ни бил Селон.

Айзег парировал каждый его удар, как будто зная, куда он хочет его нанести.

Наконец, когда время вышло, бой закончился.

Старик очень быстро подставил подножку внуку, и, пока тот падал, впечатал ногой его лицо в песок.

Очнулся мальчик уже вечером с ужасной болью в голове. В комнате было темно, а сбоку на кровати сидел Айзег.

Увидев, что он очнулся, старик заговорил:

— Пришёл в себя?

— Я по-прежнему не собираюсь быть твоим наследником. Завтра я покину это место и буду искать академию.

— Знаешь, на данный момент я не буду навязывать тебе твою судьбу. Но послушай моё предложение.

— Слушаю.

— Ты можешь очень долго ходить по лесу впустую и, возможно, её не найти.

— Либо?

— Либо я буду тренировать тебя оставшиеся двадцать дней и в крайний день срока лично отведу тебя до места учёбы. Я, конечно, понимаю, что охотиться на чудовищных птиц, наверное, увлекательнее, но подумай. Ты не смог победить дряхлого старика — как ты будешь побеждать молодых воинов?

Раздумья длились недолго, и, как только он осознал, что ему и вправду не хватает навыков, согласился.

— Приступим завтра. А пока отдыхай.

Глава 6. Гордость семьи

Ночь едва сменилась днём, и первые лучи солнца пробивались в окно старого особняка. Сегодня было особенно ясно, и свет с улицы пробивался даже сквозь тёмно-пурпурные шторы. Рема проснулся, слегка потянулся и встал с кровати. Надев лёгкую одежду, он, как обычно, отправился на пробежку.

Ему нравилось держать себя в тонусе и в хорошей форме: каждый день он уделял целые часы своему физическому состоянию. Боль в мышцах приносила не только результат, но и обычный восторг — его слишком опекали с раннего детства. Поэтому даже крупица чего-то плохого или болезненного была ему необходима. Только так он до сих пор чувствовал, что ещё жив.

— Вы сегодня раньше, чем обычно, молодой господин, — встретил его внизу дворецкий. — Через сколько вам набрать ванну?

— Ганс, я же просил не называть меня так, — с улыбкой сказал мальчик. — Ванну я наберу сам. Ты следишь за целым домом, у тебя и без меня много хлопот.

— Благодарю, молодой господин, — сказал дворецкий и направился обходить дом.

Рема спустился вниз в зал особняка по лестнице. В будний день эта отделанная тёмным мрамором комната кишела людьми, но сегодня был выходной, и вся прислуга отдыхала со своими семьями. Оглядев комнату ещё раз, мальчик открыл дверь и побежал вокруг владений.

Владения их семьи были самыми большими в королевстве и едва уступали лишь королевскому замку. Особняк окружал огромный сад с цветочными арками, кустовыми фигурами и плодоносными деревьями. Ежедневно прислуга ухаживала за садом, и любивший побыть один Рема каждый день натёкался на кого-то из них. Ему очень нравились выходные дни, потому что во время пробежки рядом с ним был только ветер.

Продвигаясь шаг за шагом по каменной дорожке, Рема, как обычно, чувствовал лёгкость. Пробежка помогала ему собраться с мыслями и настроиться на день.

— Тише, а то услышит, — прозвучал шёпот в кустах.

Рема бежал дальше, не обращая внимания. Сейчас он был сконцентрирован на своих мыслях, и ни одна вещь на свете не могла отвлечь его.

— Ушёл, продолжаем, — прозвучал тот же шёпот.

Утренняя тренировка закончилась около полудня. Вернувшись, Рема пошёл принимать ванну. Ему нравилось сначала полежать в ледяной воде, а после подогреть её для контраста. Так его тело быстрее восстанавливалось, и он мог быстрее вернуться к тренировкам.

— Молодой господин, вы забыли полотенце, — прозвучал интригующий голос служанки.

— Спасибо, Анна, оставь его рядом, — спокойно ответил Рема, продолжая смывать пот.

— Знаешь, меня раздражает, что ты никогда не стесняешься, — недовольно сказала служанка, отводя глаза вверх. — И зачем тебе продолжать эти изнурительные тренировки? Метку ты получил, на службу тебя приняли. Что ещё кому доказывать?

— Чего мне стесняться? Я знаю, что ты не смотришь куда не нужно, — ответил Рема без единой дрожи в голосе. — А по поводу тренировок... что ж, я делал это не для признания. Мне нравится поддерживать себя в форме. Никогда не знаешь, с чем или кем столкнёшься. А у меня большие планы, и я хочу, чтобы всё прошло так, как я запланировал.

— А я вхожу в эти планы?

— Если всё получится, то, пожалуй, да. Знаешь, что мне нравится в тебе?

— Нет, ты никогда не говорил об этом.

— Ты единственная, кто не лебезит передо мной. Чтобы ни случилось, ты всегда говоришь мне правду, и я ценю это.

— Оу, это самое приятное, что я от тебя слышала, — не скрывая восторга сказала Анна, накручивая локон на свои золотистые волосы. — Но я думаю, всё оттого, что мы выросли вместе и всё детство играли вместе в свободное время.

— Да, твоя мама готовила очень вкусные пироги и всегда ругалась, если я не мыл руки перед едой, — с улыбкой на лице говорил Рема, предаваясь воспоминаниям. — Жаль, что её нет. Мне её не хватает.

— Знаешь, что мне нравится в тебе? Ты не обычный аристократ, помешанный на доходах и желании править всем, что движется. Моя мама была обычной кухаркой, но ты вспоминаешь о ней с теплотой, как о старой знакомой, а не как об обычной шестерёнке в отлаженном механизме замка.

— Само собой. Она была очень добра ко мне. Жаль, что ты не унаследовала её кулинарный талант. Твой вчерашний пирог был на вкус как уголь с сахаром.

— Вас же вроде учат манерам? Неужели тебе не объясняли, что такое тактичность и что иногда можно промолчать?

— Но я всегда говорю правду. Не люблю обманывать, — сказал Рема, выходя из ванны.

— Знаю я. Но всё равно хотела сделать тебе подарок на день рождения. Готовила всё по рецепту, но что-то пошло не по плану. Если бы мама была с нами, она бы отчитала меня за то, что я зря перевела продукты. А ещё, может, ты уже прикроешься?

— Прости, ты выглядишь милой, когда стесняешься, — сказал Рема, слегка посмеиваясь и повязывая полотенце на поясе. — День рождения... так вот что это было. Оно разве сегодня?

— Ты в ванной перегрелся? Как можно забыть о своём дне рождения?

— Просто не люблю его отмечать. С утра видел, как кто-то шушукался в кустах. Видимо, мама с отцом раздали слугам указания и опять готовят что-то грандиозное. Соберётся вся знать королевства, и отец будет рассказывать им, какой я молодец и как королевству повезло, что у него есть такое молодое дарование. А матушка, скорее всего, будет подыскивать мне невесту, чтобы заключить брак, выгодный для нашей семьи.

— Знаешь, мне бы твои проблемы, — ехидно сказала Анна. — Ну значит, вечером мы не увидимся?

— Скорее всего, нет. Буду стоять рядом с отцом и послушно кивать.

— Тогда подарю подарок сейчас.

Анна наклонилась к Реме и едва коснулась его губ своими.

— Я люблю тебя. С днём рождения! — сказала Анна и выбежала из комнаты, не скрывая смущения.

Выросшая в их особняке девочка всегда питала к нему самые нежные чувства. Частенько даже ревновала, когда он разговаривал с более взрослыми служанками. Ему она, конечно же, ничего не говорила. В этот же день она прекрасно осознавала, что двухгодичное обучение в академии не скоро позволит ей признаться.

Рема не успел ничего ответить и стоял оцепеневший. Собравшись с мыслями, он оделся и пошёл в библиотеку. Он хотел пойти за Анной, но понимал, как сложно ей было решиться на этот шаг.

«Прямо сейчас ей нужно побыть одной», — подумал Рема и пошёл в комнату с книгами.

В библиотеке было множество рядов с очень разными книгами. Комната была поделена на секции, которые помогали найти книгу с нужной темой. Последний месяц Рема изучал боевые искусства, историю и медицину. Сегодня был его день рождения, и он решил немного побаловать себя и прочитать книгу про самых опасных существ материка.

Книга называлась «От упыря до лорда нежити за сто дней, краткий экскурс для охотников на чудовищ». На обложке был нарисован лорд нежити Мортус на каменном троне с мечом в руках, а у его ног была лужа крови.

«Не лучший способ привлечь читателей», — подумал Рема, открыв первую страницу.

Упырь — оживший труп, не имеющий собственного сознания. Охотятся ночью большими ордами, сами не убивают тех, кто не проявляет враждебность. Потребностей нет: отлавливают жертв и уносят к Мортусу, чтобы он утолил вечный голод. Единственная нежить, которая не боится солнечного света. Убить можно только если поджечь.

Слабости — низкий интеллект, медлительность.

Сильные стороны — высокая устойчивость, способность пользоваться примитивным оружием, нечеловеческая сила и выносливость.

— Может, хоть сегодня отдохнёте? — сказал подошедший к столу библиотекарь.

— Альфтор, я и так отдыхаю, — сказал Рема, показывая книгу.

— Не лучшее чтение для отдыха. Эти мерзкие твари пугают даже тогда, когда они нарисованные.

— Полезно для общего развития. Мне часто придётся с ними сталкиваться на службе, — сказал Рема, не отводя взгляд от книги.

— До сих пор не понимаю, для чего это вам. С вашей головой и тягой к новым знаниям вам прямая дорога в исследователи. За всю свою жизнь я не встречал никого с такой феноменальной памятью, как у вас. С вашей помощью наше королевство могло бы догнать орков и достичь того же прогресса.

— Ты же знаешь, что я иду туда потому, что так хочет он.

— Я мог бы поговорить с вашим отцом. Уверен, он поймёт, что в другой сфере вы будете более полезны.

— Спасибо, но я сделаю так, как он хочет.

Библиотекарь закатил глаза и злобно фыркнул — он явно не был доволен его ответом.

Рема был талантливым ребёнком, и у него ко многому были предрасположенности, поэтому самому ему трудно было решить, с чем связать свою жизнь. Все возлагали на него слишком большие ожидания, и этот тяжёлый груз ответственности давил на мальчика.

Он не мог никого подвести, поэтому каждый день тренировал своё тело и разум до изнурения.

— Молодой господин, ваш отец просит зайти вас к его кабинету, — сказал возникший из воздуха приближённый.

— Чего он хочет? — ответил Рема, продолжая читать.

— Знаете, рано или поздно я напугаю вас своим появлением, — сказал шпион, посмотревший на потерявшего сознание от испуга Альфтора. — Я не имею понятия. Он просил сказать, что дело срочное и вы должны оставить свои текущие дела.

— Хорошо, передай, я скоро приду, — сказал Рема, дочитывая страницу.

Поставив книгу на полку, Рема направился на встречу с отцом.

Коридор на пути к кабинету был увешан портретами его предков. Свинопасы, конюхи, башмачные мастера, дворецкие и другие крестьяне висели на стене. Отец Рёмы — первый из их семьи, кто добился таких высот, и каждый портрет на пути к кабинету напоминал ему о его превосходстве.

Тщеславие было его главным пороком. Став государственным шпионом, он оборвал все связи со своими родственниками и женился на дворянке, потерявшей состояние, чтобы получить титул. Берн предложил ей план действий, чтобы вернуть её семье состояние, и когда его план сработал, Кая влюбилась в него без памяти.

Каждой женщине нужен мужчина, на которого можно положиться, и Берн был таким при всех своих недостатках. Хитрый и целеустремлённый, он добивался любой цели, которую ставил перед собой, и сам король называл его умнейшим человеком в королевстве. Хотя он и мало что понимал в интеллектуальных способностях, но слащавые речи Берна по сути принудили его передать власть над советом ему.

Именно у шпиона был решающий голос во всех государственных делах. Сам Ульрик лишь изредка вмешивался в происходящее.

Вплотную подойдя к двери, Рёма постучал три раза и ещё раз, сделав перерыв — это был стук, открывающий дверь в кабинет. Если кто-то открывал дверь без стука или стучал по-другому, ему открывалась лишь дверь в кладовую для прислуги.

Королевский алхимик зачаровал дверь специальными чарами, чтобы никто, кроме тех, кому доверял Берн, не мог попасть к нему.

Слухи и интриги были основной его работой, которая сопровождалась большим риском нападения. Он был достаточно способным воином, пусть и не лучшим, но предпочитал избегать драки. Худощавое тело и природный метаболизм, мешавший нарастить мышечную массу, помогли ему сделать выбор в пользу скрытности, а не прямого столкновения.

— Входи, — мрачным голосом произнёс Берн.

— Вызывали, отец? — сказал Рёма, склонившись на одно колено.

— Да. Ты уже догадался, что вечером мы будем устраивать приём?

— Догадался, — слегка расстроенным голосом сказал Рёма.

— Вижу, ты не сильно горишь желанием его посещать, — произнёс Берн, наливая вино в бокал.

— Всё так, отец. Если бы был выбор, я занялся бы чем-то более полезным.

— Знаешь, в чём минус быть дворянином? — слегка улыбнувшись, сказал Берн, помещая вино в бокале.

— Большая ответственность? — предположил Рёма.

— Чепуха. Ответственность за кого? Прислугу можно заменить по щелчку пальцев. Крестьяне — лишь расходный материал, как и любой другой ресурс. Главный минус — что приходится пить кислое вино, а потом восторгаться им в компании этих напыщенных невежд.

Лучшее и самое сладкое вино делали в деревне, которая сгорела. Жаль, что его запасы на исходе. Я продал бы душу лорду нежити, лишь бы получить ещё бутылку.

— Не известно, что случилось с деревней?

— Понятия не имею. Какое мне дело до этих плебеев?

— А никому не удалось выжить?

— Насколько я знаю, нет. А почему тебя это интересует?

— На посвящении я встретил кое-кого из этой деревни. Мне интересно, выжил ли он, — сказал Рёма, стоя на одном колене и не поднимая головы.

— Встань, — грубо ответил Берн. — Посмотри на меня и скажи, кто я.

— Вы мой отец, — сказал Рёма поникшим тоном, вставая на ноги, но продолжая смотреть в пол.

— Хорошо. А ещё?

— Вы главный шпион его величества.

— Именно, — надменно шепнул на ухо Берн. — И я не добился бы этого, если бы цеплялся за такую глупую вещь, как чувства. Дружба и любовь не сделают тебя великим и не помогут войти в историю.

Всего, что у меня есть, я добился сам, и ни один крестьянский отпрыск не помогал мне в этом. Я сам проложил себе дорогу к богатствам и славе. И я пожертвовал бы всем, если бы понадобилось это повторить — и твоей матерью, сестрой и даже тобой.

— Я понимаю, отец. Но вы же не в одиночку добились всего? — ответил Рёма, поднимая глаза.

— Конечно. В каком-то роде мне помогла любовь твоей матери, — ухмыльнулся Берн. — Но это лишь доказывает, что чувства — это удобный инструмент и не более.

В кабинете стояла мёртвая тишина, и ни один из них не знал, как продолжить разговор. Они играли в гляделки и пожирали друг друга глазами. Прервать молчание означало проиграть, и оба понимали это.

— Так для чего вы вызывали меня, отец? — прервал молчание Рёма.

— На приёме будет директор академии. Ты первый за целую кучу времени, у кого пробудилась белая метка, — сказал монотонным голосом Берн, как будто игнорируя свою предыдущую речь. — Он хочет, чтобы сразу после приёма ты отправился с ним для изучения твоих способностей.

— Но до начала учёбы ещё целый месяц. Как именно они будут тестировать мои силы?

— Понятия не имею. Собери всё необходимое и готовься к приёму, — сказал отец Рёмы, попивая вино из бокала. — Гости придут через час. Можешь быть свободен.

Рёма развернулся к двери и вышел из кабинета. У него был всего час, чтобы попрощаться со всеми, но он понимал, что успеет попрощаться лишь с ней.

Поднимаясь тяжёлыми шагами на второй этаж поместья, Рёма думал, что он скажет своей сестре, которой пообещал быть рядом каждую свободную минуту оставшегося месяца.

Атла — сестра Рёмы — была младше него на пять лет и болела неизлечимой болезнью. Мать Рёмы тратила все доступные ей средства на врачей из различных уголков страны, но никто не мог помочь.

«Грозковая хворь» — болезнь, из-за которой разлагается нервная система, и раз в определённый промежуток времени по телу проходит болезненный импульс, напоминающий разряд тока. Тело не слушается, мышцы атрофируются, и единственное, что работает как прежде, — это мозг.

Сенсорная чувствительность теряется на третьем году болезни. Самым обидным для Рёмы было то, что сестра не чувствует его прикосновений.

Обычно люди с этой болезнью живут не больше пяти лет, но благодаря стараниям Каи прогрессирование болезни удалось замедлить и продлить срок жизни Атлы на десять лет. Ей оставалось жить около семи лет, и если бы рядом не было Рёмы, она совсем потеряла бы тягу к жизни.

Рёма любил сестру больше, чем кого-либо. В свободное время он постоянно приходил к ней и читал книги.

— Ты сегодня поздно, братик, — едва слышно сказала Атла, смотря в стену перед собой. — Что-то случилось?

— Я был у отца. Всё хорошо, — ответил Рёма.

— Что ему было нужно?

— Всё как всегда, семейные дела. Не бери в голову, — с досадой сказал Рёма, поглаживая по голове сестру.

— Ты же знаешь, что я ничего не чувствую. Зачем ты постоянно это делаешь? — сказала Атла, пытаясь скрыть радость.

— Когда я так делаю, мне становится легче, — улыбаясь, ответил Рёма, продолжая гладить голову.

— Дай мне их.

Стоявшие на её прикроватной тумбочке белоснежные розы всегда были свежими. В комнату не пускали прислугу, и Рёму всегда удивляло, как они сохраняют свой вид. Атле нравился их запах. Обоняние было единственным чувством, которое позволяло ей чувствовать окружение.

Они сидели и смотрели друг на друга, не говоря ни слова, как вдруг Атлу скрючило от неистовой боли. Недуг импульсом прошёл по телу, и миг страданий был единственным моментом, когда Атла ощущала, что у неё есть тело.

Рёма сидел обездвиженный. Он знал, что не может помочь, и просто наблюдал. Вид немоги сестры был единственным, что могло разозлить мальчика. В эти моменты злость на себя и своё бессилие съедала Рёму изнутри.

— Всё в порядке. Следующий раз будет только вечером, — успокаивающим голосом сказала Атла. — Так что ты можешь расслабиться.

— Увеличилось до двух раз, — сказал Рёма, едва сдерживая эмоции. — Давно?

— Со вчерашнего дня.

Рёма устал от своей беспомощности. В тот день он поклялся сам себе, что приложит все усилия, чтобы вылечить сестру.

Он поцеловал Атлу в лоб и поспешил на занятия.

Фортепиано сильно помогало успокаивать нервы. Рёма был мягкохарактерный и безотказный. Временами ему казалось, что он живёт для других, а не для себя. В действительности всё так и было, но это устраивало мальчика.

Он был апатичен ко всему, кроме здоровья сестры. Из-за своей чрезмерной доброты он старался всем угодить, и у него всегда это получалось.

Дело шло к вечеру, и в поместье начали прибывать знатные персоны. Один за другим вестибюль заполнили именитые личности и отпрыски богатых семей.

— Прошу, проходите, отведайте наше лучшее вино, — зазывал всех Берн.

Было видно, что, хоть он и заполучил влияние, всё равно боялся расстроить аристократов. В вечных попытках отца им услужить Рёма видел отражение и их отношений.

Разница была лишь в том, что он делал это бескорыстно, в отличие от Берна. Поддерживая хорошие отношения с главами семей, он собирал все их грязные секреты и тайны.

Он мог перестать заискивать перед ними, но знать имела влияние на короля. Потерять своё место в совете было его главным страхом.

Какие бы доводы он ни приводил, король верил только аристократам и считал их самыми верными подданными.

В тот момент, когда Берн понял, что повлиять на короля он не в силах, у него и появилась идея втереться в доверие к приближённым его величества. Лестью и подхалимажем он расположил к себе всех постоянных гостей дворца.

К Рёме сзади подошёл мужчина и положил руку на плечо. Мальчик обернулся и увидел перед собой главнокомандующего Гастора.

Человек с широкими плечами был неприличных размеров, и даже высокий Рёма казался рядом с ним совсем крохотным. Он долго нахваливал мальчика и обещал лично помогать ему с учёбой в академии.

По принятым правилам директором академии становился сильнейший воин. Он же занимал место в совете. Кто может лучше руководить армией, если не лучший её представитель?

Сменив на посту главнокомандующего Айзига, который был его наставником, он не думал ни о чём, кроме новой войны. Всё время у него была навязчивая идея отправить все войска сражаться.

Берн с его тактическими навыками всегда выступал против этих идей, ссылаясь на то, что королевство будет некому защищать.

Пожав руку на прощание, Гастор ушёл вслед за понравившейся ему горничной. Ему явно не доставало манер, и в поведении читалась животная натура. К мальчику же он относился с добротой, поэтому жаловаться было не на что.

Прозвучал звук стука ножа о бокал, и Берн попросил внимания, приготовившись произнести речь.

— Ещё раз приветствую всех собравшихся, — начал обращение отец Рёмы. — Я благодарю вас всех за то, что вы смогли оставить свои дела и уделить время нашему небольшому празднику.

Сегодня моему сыну исполняется четырнадцать лет. И хоть он и стал совершеннолетним сегодня, он уже принял присягу. Совсем скоро он переступит порог академии и уже через три года станет сильнейшим воином королевства.

Откуда у меня такая уверенность? Сын, подойди ко мне.

Рёма поспешил к отцу и встал по правую сторону от него. Берн засучил рукав его рубашки, и все увидели белую метку.

Былые звуки веселья растворились в воздухе, а на смену им пришла гробовая тишина. Все поняли, для чего был устроен такой грандиозный банкет.

Берн показал всем, что фактически в его руках сейчас самое мощное оружие в королевстве.

Он хлопнул, и прислуга закрыла выход из дома. Увидев шок на лицах гостей, он продолжил:

— Знаете, почему символ нашего дома — лиса с ключом? Лиса — самое хитрое животное. И пока вы, надутые болваны, верили, что я пытаюсь вам угодить, я искал ключ, который откроет мне все двери.

И в тот момент, когда мой сын получил эту силу, я понял, что вы мне больше не нужны.

Люди в панике забегали по залу. Все пытались найти выход, опасаясь за свою жизнь.

Гастор стоял в стороне. Натянув на лицо широкую ухмылку, он наблюдал, что будет дальше.

Столь явное и неприкрытое нападение было не свойственно Берну, и он совершил всё это лишь поддавшись импульсу. Тщеславие было не только его главным грехом, но и слабостью.

Для него было просто невозможно умолчать о таком преимуществе. Он уже был важнее обычных людей, а теперь выше него был только король.

— Тише, вам ничего не угрожает, — властным тоном произнёс Берн, задергивая рукав. — И так будет до тех пор, пока вы знаете своё место. А теперь можете быть свободны.

Все ринулись в открытые двери. В ужасе и панике они ещё не до конца понимали, какую власть получил один человек.

— Забавное зрелище, — сказал Гастор и хлопнул Берна по плечу.

— Ты вообще осознаёшь, что произошло? — сказал Берн, смотря в пьяные глаза Гастора.

— Да плевать. Я старый вояка, и все эти ваши дворцовые интриги не для меня. Хочешь манипулировать этим жирным чудовищем на троне — пожалуйста.

Только когда начнётся новая война, дай мне знать. Хочу размять кости.

— Опять за своё? Знаешь, господин Айзег отличался куда большим интеллектом, чем ты.

— Непривычно слышать, что ты зовёшь кого-то господином, — сказал Гастор, прекратив обнимать испуганную горничную. — Может, если я теперь на его должности, ты начнёшь называть меня так же?

— Как только начну уважать.

Ничего не ответив, Гастор лишь презрительно посмотрел и поспешил покинуть поместье.

Оставшееся наедине семейство молчало. Кажется, только мать Рёмы не понимала, что произошло.

Берн же не был доволен случившимся. Всю жизнь он учился чему-то новому, и теперь ему предстояло научиться контролировать своё эго.

Рёма не испытывал эмоций. Он привык к постоянным интригам отца.

Сделав прощальный поклон, он пошёл собирать свои вещи.

Глава 7. Поступление

Тело и разум мальчика неустанно крепили. Каждодневное изнурение вошло в привычку, и тяжелейшие тренировки давались намного легче. Поначалу мышцы Селона болели от нагрузок, а после каждого спарринга он кашлял кровью. Дед лишь стоял в стороне и смотрел, пока дворецкий раз за разом отправлял мальчика в нокаут.

Спустя неделю, после того как он начал теснить Рудольфа, Айзег начал наносить удары лично. За двадцать дней Селон сильно прибавил в физической силе, выносливости и рукопашном бою. Общее развитие же нельзя было назвать выдающимся, но мальчик и не ожидал, что за такой короткий промежуток произойдут глобальные изменения.

— Через два часа мы уже будем в академии, — сказал Айзег, заходя в круг. — Выложишься по полной.

— Не переживай, — ответил Селон, разминая руки. — Поддаваться я не собирался.

Приняв стойку, мальчик ожидал, что предпримет его противник. Теперь он не рвался слепо в бой, а изучал цель и старался найти брешь в защите. Мальчик прекрасно осознавал, что одной скорости будет недостаточно, чтобы превзойти многолетний опыт противника.

Когда Айзег сделал замах ногой в корпус, мальчик нырнул вниз и схватил опорную ногу. Он попытался поднять старика, но пропустил удар локтем в голову. Сечка мешала ему видеть, и теперь уклоняться стало сложнее.

Они обменялись парой сильных ударов в голову, и раскрывшаяся рана дала понять мальчику, что он сможет нанести лишь один решающий удар.

Селон побежал и выпрыгнул, выставив прямую ногу вперёд. Удар был остановлен, и мальчик оказался прижат ногой к земле, как и в первый день.

Теперь же он умел намного больше, поэтому, сгруппировавшись, он сделал захват на ногу и провёл болевой приём, после которого Айзег постучал.

Оба поднялись, отряхнулись и пожали руки.

— Зачем ты поддался? — спросил Селон.

— Заметно? — ответил Айзег. — Хотел придать тебе уверенности. В академии спарринги — обычное дело, и ты должен верить в свои силы.

— Не переживай, после всех этих нагрузок я верю в себя как никогда.

Родственники улыбнулись друг другу и, собрав одежду, вышли из комнаты. За время, проведённое вместе, их отношения заметно улучшились. Айзег вспомнил себя в этом возрасте и значительно потеплел. Селон же осознал, что дед — единственный родственник, который у него остался, поэтому стал более сдержанным.

Как только они нашли компромисс, совместная работа начала давать плоды.

— Волнуешься?

— Ни капли, — твёрдо ответил Селон, надевая чёрную куртку с фамильным гербом на груди.

— Тебе идёт, — отметил Айзег. — В твоём возрасте я носил её не снимая. Хочешь ты или нет, ты мой единственный наследник, а значит, когда меня не станет, ты будешь здесь всем управлять.

— Когда тебя не станет, я всё продам, открою семейную лавку, а оставшиеся деньги раздам нуждающимся.

— Я этого уже не увижу, так что делай что хочешь.

Селон кивнул с благодарностью и, повесив дубинку на пояс, собирался выходить. Рука деда на плече остановила его.

Он посмотрел вниз и увидел меч, на рукоятке которого красовался символ с псом. Артефакт передавался между поколениями семьи Тейн и всегда находился у главы семьи.

— Пока в твоей душе горит огонь, меч будет пылать, — сказал Айзег, доставая клинок из ножен. — Пламя будет того же цвета, что и метка, потому что он напрямую связан с ней и усиливает её. Как видишь, в моих руках это просто старый клинок, поэтому дарю его тебе.

Селон взял меч в руку, и фиолетовый огонь осветил комнату. Он почувствовал, что как только его рука коснулась рукояти, сила увеличилась в разы.

Айзег попросил в соответствии с традицией назвать меч, и мальчик поднял его над головой. Осмотрев его ещё раз, он произнёс:

— Фисайя.

Старые руны на лезвии исчезли, и мальчик увидел, как выжигаются новые.

Он посмотрел на деда и только сейчас понял, что всё это время его избивал человек без метки. Преимущество знакомой территории теперь казалось ему таким незначительным. Лёгкая паника поселилась в его голове: а что, если другие ученики с меткой легко бы одолели его деда?

Вспомнив, что когда-то Айзег был директором школы, он успокоился. Один вопрос оставался нераскрытым — как он принял форму пса, если метки у него нет. Времени было совсем мало, так что мальчик не хотел доставать деда вопросами и решил узнать это при следующей встрече.

Он поблагодарил старика за всё, что тот для него сделал, и вместе они направились ко входным воротам. Мальчик впервые вышел на улицу за всё время, проведённое в старом особняке. Он вдохнул воздух полной грудью и сделал уверенный шаг за ворота.

— Куда нам идти? — спросил Селон, посмотрев на деда.

Пожилой мужчина хлопнул в ладоши и стал делать странные жесты руками. Земля задрожала и раздвинула деревья, создавая тропу.

— А как остальные должны были найти место учёбы? — задал резонный вопрос Селон.

— Ты думаешь, я открыл путь только тебе? — коротко ответил Айзег. — По-твоему, я просто так живу в лесу? Цель была проверить не то, как вы ориентируетесь, а то, как вы умеете выживать.

С разных сторон начали появляться будущие ученики академии. Кто-то выглядел абсолютно нормально, но были и те, кто еле шёл.

Не теряя времени, Селон обнял деда на прощание и побежал за остальными. Тропа была не слишком длинной, и спустя пару минут мальчик увидел силуэт каменного замка вдалеке.

Абсолютно чистый вид Селона вызывал недоумение на лицах поступающих. Не было ни одного человека без синяка или ссадины. Мальчик чувствовал себя неловко, но, с другой стороны, он и не на пляже отдыхал всё это время.

Если бы ему предложили выбор — сразиться с железнокрылом или Айзегом, — он бы не раздумывая выбрал птицу.

Силуэт приближался, пока Селон не увидел дубовые двери прямо перед собой. Огромный замок из чёрного камня украшали флаги с символикой королевства. Полотна с фениксом в короне на синем фоне свисали с флагштоков.

Весь замок был однотонным и не вычурным, как будто показывая, что роскошь здесь ни к чему.

В целом ничего удивительного из себя замок не представлял, и даже особняк Айзег, покрытый лозой, вызывал больше эстетического удовольствия. Всё же, несмотря на незаурядный вид, замок из-за своей многолетней истории вызывал чувство гордости.

Всё-таки лишь у нескольких избранных получилось его увидеть, а это делало тебя особенным и давало лишний повод похвастаться.

Оглядываясь по сторонам, Селон понял, что остальные уже рассказывают истории о том, как бывали тут раньше с родителями. Конечно же, они посещали это место впервые, но так у дворян производили первое впечатление.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.